

Дмитрий Игнатов

ВЕЛИКИЙ АТТРАКТОР

специальная редакция

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Алексеевич Игнатов

Великий Аттрактор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48812019

SelfPub; 2022

Аннотация

Жанр научной фантастики всегда шёл в авангарде писательской литературной мысли. К сожалению, в последнее время – в эпоху "Звёздных войн" – он всё чаще ограничивается простым развлечением. Этот сборник (а на самом деле роман в рассказах) – попытка вернуть жанр к своей изначальной цели и задаче – задавать вопросы, пригласить читателя к размышлению. Поверьте! Думать – это тоже весело.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Об авторе	4
Другие книги автора на ЛитРес	6
Акция для читателей	8
Аннотация к первому изданию	10
Корабль Тесея	12
Два иероглифа	22
Доктор Б., или как я перестал работать и полюбил донат	41
Damnatio memoriae	51
Капелька триумфа	70
Красные маги	85
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Дмитрий Игнатов

Великий Аттрактор

Об авторе

Дмитрий Алексеевич Игнатов – российский писатель-фантаст, работающий в жанрах твёрдой научной фантастики, гуманитарной и социальной фантастики, антиутопии. Родился 15 января 1986 г. в Ярославле.

Проходил обучение в ЯГТУ по специальности «инженер-педагог машиностроения». Автор сценариев для короткометражного фестивального кино. В этом качестве участвовал в кинофестивалях «КиноШок» и «Метрополис». В настоящее время – дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы.

Публиковался в изданиях «Знание – Сила», «Знание – Сила: Фантастика», «Искатель», «Новый журнал» (США), «Нева», «Дарьял», «Байкал», «Смена», «День и Ночь», «Нижний Новгород», «Инвожо», «Истоки», «Крылья», «День литературы», «Парус», «Причал» (журнал отд. СПР г. Ярославль), альманахах «Литературный оверлок» и «Литературный альманах» (г. Хабаровск), сборниках: «Тайны и приключения», «Наука веселья», «Мастера прозы», «Открытый космос», «Художественная верификация», «Ми-

стический писатель» (изд. «Перископ-Волга»), интернет-изданиях: «ВеликороссЪ», «Невечерний свет», электронном приложении «Мастерская» журнала «Семь искусств». Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор», иронического фэнтези «Кампания Тьмы», хоррор-повести «Первыми сдохнут хипстеры» и сатирического справочника «Это ваше FIDO».

Другие книги автора на ЛитРес

Поддержать автора и приобрести электронные версии книг можно на сайте ЛитРес по ссылке:

<https://www.litres.ru/dmitriy-alekseevich-ignatov/>

Акция для читателей

и всех, кто хочет не просто прочитать книжку, но и сделать себе приятный подарок...

1. ПРИОБРЕТИ ЛЮБУЮ БУМАЖНУЮ
КНИЖКУ ДМИТРИЯ ИГНАТОВА
УДОБНЫМ ТЕБЕ СПОСОБОМ
(НАПРИМЕР, В МАГАЗИНЕ OZON)

2. СДЕЛАЙ ОРИГИНАЛЬНОЕ
СЕЛФИ С КНИЖКОЙ
(ФАНТАЗИЯ ПООЩРЯЕТСЯ,
ТОЛЬКО БЕЗ РИСКА ДЛЯ ЖИЗНИ)

3. ОТПРАВЬ ФОТО ПО МЫЛУ ИЛИ
В ТЕЛЕГУ. НЕ ЗАБУДЬ ПОДПИСАТЬСЯ
И УКАЗАТЬ ПОЧТОВЫЙ АДРЕС
(НЕ СЦЫ! ЭТО НЕ КРЕДИТ!)

4. ПОЛУЧИ ШАНС В РОЗЫГРЫШАХ И
ГАРАНТИРОВАННЫЙ РУКОПИСНЫЙ
СТИКЕР-ЭКСКЛЮЗИВ С АВТОГРАФОМ
АВТОРА ИМЕННО ТЕБЕ

IGNATOV@IDASOFTSTUDIO.RU

@ignatov_d

а заодно поддержать автора.¹

¹ Акция распространяется на любые бумажные книги Дмитрия Игнатова, доступные в магазинах «OZON», сети «Буквоед» и других.

Аннотация к первому изданию

Жанр научной фантастики всегда шёл в авангарде писательской литературной мысли. К сожалению, в последнее время – в эпоху «Звёздных войн» – он всё чаще ограничивается простым развлечением. Этот сборник (а на самом деле роман в рассказах) – попытка вернуть жанр к своей изначальной цели и задаче – задавать вопросы, пригласить читателя к размышлению. Поверьте! Думать – это тоже весело.

К читателю

Здравствуй, дорогой читатель!

Это второе издание романа в рассказах «Великий Аттрактор». И хотя многие назвали бы его обычным сборником, я и в этот раз остановился на своём спорном определении. Возможно, ты уже читал представленные здесь рассказы в литературной периодике. Но как функционирующее живое существо невозможно свести лишь к набору составляющих его органов, клеток и атомов, так и рассказанные здесь истории, собранные под одной обложкой, приобретают иное значение.

Я постарался сделать так, чтобы второе издание, помимо всего прочего, стало ещё и своеобразным путеводителем по

моему творчеству.

Приятного чтения!

Корабль Тесея

Мой отец умер два года назад. Сложно сказать точнее, хотя момент его смерти определённо был. Однако определение этого момента всегда вызывало вопросы. Сначала смерть связывали с простой остановкой дыхания. Потом с остановкой сердца, при этом было замечено, что ещё несколько дней у покойника могли отрастать волосы и ногти. Наконец, когда медицина окончательно определилась с местом хранения человеческой души, смерть окончательно связали с прекращением нормальной активности мозга. Но даже в этом случае оставались лазейки, ведь мозг может функционировать частично. И, напротив, даже при полностью умершем мозге. Остальное тело ещё может поддерживаться в живом состоянии при помощи не особо сложных медицинских приборов. Формально человек остаётся вместе со своей жизнью, а его несчастные родственники с трудным вопросом: поддержать или прервать эту «жизнь».

Впрочем, это не был случай моего отца. Он умер два года назад. В какой-то момент последняя клетка его тела перестала жить. Он умер. Это статистический, математический, медицинский, биологический факт! Он умер.

Тяжело признавать, но этот момент не стал трагедией ни для кого в нашей семье. Этому моменту не предшествовало

никакого скорбного ожидания. Этот момент не стал печальным облегчением, как часто бывает с долго болеющими и постепенно умирающими людьми; или разрывающим душу потрясением, как случается в случае внезапной, неожиданной смерти. Мы просто не заметили его...

Я очень хорошо помню тот вечер. Отец вернулся с работы как обычно около 7 часов вечера. Он неторопливо сел за стол, и вместе мы начали ужинать. Разговоры о служебных делах не были приняты у нас за столом. Они с мамой обсудили какие-то новости. Отец дежурным образом поинтересовался о том, как прошёл мой день. Я так же дежурно ответила ему. После чего он продолжил свой разговор с мамой. Не помню точно, о чём именно они говорили. Помню, что меня с самого начала ужина занимал только один вопрос. Он сидел в моём мозгу, словно раскалённая иголка, но я не решалась озвучить его, словно подбирая подходящий момент.

Наконец, когда мама уже собрала тарелки и пошла их мыть на кухню, пауза в молчании показалась мне слишком длинной, и я спросила:

– Пап, ты был у врача?

– Да, – ответил отец как-то слишком непринуждённо.

Вторая часть вопроса далась мне намного сложнее, чем первая.

– И когда это случится? – наконец выдавила я из себя.

Отец старался не подавать вида, но я заметила, что на мгновение его слегка передёрнуло. Словно специально он

сделал небольшую паузу, отпил чай из чашки, а потом ответил:

– Это уже случилось.

– Случилось? – опешила я.

– Да, – произнёс отец уже так же непринуждённо, как и первое «Да».

– И когда же?

– Позавчера. На выходных. Возможно, на прошлой неделе. Доктор не может сказать точно, но сейчас процесс полностью завершился... – слова отца начинали уходить в какую-то пустоту, раздаваясь у меня в голове словно эхо.

– Это... определённо?..

– Определённо, – он посмотрел мне прямо в глаза, – А что? Ты заметила в последнее время что-нибудь странное?

– Нет... пап...

Наверное, в этот момент мой взгляд выражал намного больше, чем я сама могла выразить словами, потому что отец тяжело вздохнул, поднялся и прошёлся по комнате из стороны в сторону. Кажется, он и сам обдумывал, что лучше сказать.

– Считаешь, что я стал «кем-то другим»? Теперь тебе будет трудно называть меня «папой»? Это обидно, – перешёл он в своеобразную контратаку, и это было настолько на него похоже, что на мгновение я даже успокоилась.

– Я... Нет.

– Тогда в чём же дело? – отец, кем бы он теперь не был,

сделал паузу, – Возможно, тебе понравилось, если бы я тебе соврал?

– Ты никогда не врал мне.

– И это правда. Я всегда старался говорить тебе только правду! Даже, когда она тебе не нравилась... Помнишь? Прямо как в прошлом году, когда я сказал, что мне не нравится твой парень.

Внезапные примеры из моей собственной жизни были папиным коньком.

– Да, но... Он не был моим парнем... пап...

– Не важно. Он был инвалидом.

– Человеком с ограниченными возможностями, – уточнила я.

– Пусть так! Калекой. Факт в том, что у него не было ноги, а вместо неё он пользовался этой навороченной электронной штукой...

– Кибернетическим протезом, – в который раз поправила я.

Надо сказать, что отец прекрасно разбирался в современных технологиях, но часто намеренно примерял на себя роль «старика», в молодости которого «такого не было». Обычно он делал это, чтобы таким странным образом донести до слушателя какую-то свою мысль, но при этом сам никого не слушал...

– Да он даже заряжал её по USB как какой-нибудь смартфон! – отец резко замолчал и выдохнул, словно желая успо-

коиться принятием этого волевого решения, а потом сел в кресло и, посмотрев на меня, продолжил уже спокойнее, – Без настоящей ноги... оставался ли он для тебя полноценным человеком?

Этим парадоксальным вопросом он внезапно загнал в меня в тупик вместе со всей моей политкорректностью:

– Конечно... но...

– Но?

– Это ведь другое...

– Другое? – отец язвительно улыбнулся, – Безусловно! Технология поклеточного нанопротезирования это «нечто другое» по сравнению с тем, чтобы прикрутить к своей культе пружинку и моторчик на батарейках. Но давно ли моя современная и продвинутая дочь стала таким ретроградом?

Я заранее знала, что мой отец, или тот, в кого он превратился, скажет дальше. Этот разговор неоднократно вёлся в нашей семье ещё до того, когда он, наконец, решился пройти эту процедуру. Нет, наверное, всё же не решился, а просто перестал слушать возражения.

Чёрт! Я по-прежнему считаю, что это в основном маркетинг. Большинство аргументов до сих пор звучат, как рекламные слоганы со страниц цветных буклетов, которыми недавно были завалены все больницы.

“Поклеточное нанопротезирование. Священный Грааль медицины найден! Ключ к бессмертию уже находится внутри вас. В ваших клетках! Мы лишь даём вашему организму

верное направление и, используя естественный, природный механизм деления клеток, позволяем вам стать лучше. Всего один укол, и через 17 месяцев все клетки вашего тела будут заменены на совершенные биохимические машины. Инфекционные болезни, дисфункция внутренних органов, генетические аномалии, возрастные изменения и даже старение – всё это в прошлом. Уже тысячи людей прошли процедуру без каких-либо побочных эффектов. Присоединяйтесь к ним! Единственное, о чём вам всё ещё стоит беспокоиться – это переходить улицу на зелёный свет.”

– Ну, хватит, пап, – прервала я, – Я всё это уже слышала от тебя много раз.

– «Папа»? Неужели я всё ещё «папа»? – мрачно парировал отец.

На какое-то время он замолчал. Было видно, что он расстроен, но я знала, что не хотела расстраивать его. Так же точно, как и то, что сейчас он попытается сделать так, чтобы я чувствовала себя виноватой.

– Прости... Возможно, тебе было бы намного проще, если бы твой старик подрыхлел бы у тебя на глазах... Выжил бы из ума, возможно, начал бы гадить под себя, а в конечном итоге сдох....

– Папа, перестань!

– Прости, что я не хочу сдохнуть. Прости меня за это.

– Ну, хватит! – почти крикнула я, – Хватит делать из меня чудовище, папа!

– Да ну! А не ты ли видишь чудовище во мне?! Папочка Франкенштейн? Это же так противоестественно!

В этот момент человек, который когда-то определённо был моим отцом, начал раздражать меня больше, чем когда бы то ни было. Стараясь не столько настоять на своём, сколько уязвить его, я твёрдо и громко выпалила:

– Да! Это противоестественно!

Похоже, это произвело слишком сильный эффект. Отец замолчал, его лицо стало задумчивым и каким-то серым. Он медленно поднялся с места, пересёк комнату и, отодвинув шторы, посмотрел в окно.

– А сегодня тепло... – задумчиво произнёс он, – Кайра даже не захотела заходить в дом. Вон она... Спит на лестнице у веранды. Её подарили нам с матерью годовалым щенком... Ты тогда ещё не родилась, но мать уже ходила беременной. Мы думали, что будет здорово, если наша маленькая девочка с детства будет общаться с животными. Вы бы росли, играли вместе, подружились. Так оно и получилось. Это делает людей добрее, учит проявлять заботу... – отец на минуту замолчал и снова посмотрел на меня своим колючим испытывающим взглядом, – Сейчас тебе 27 лет. Как думаешь, обычная немецкая овчарка прожила бы столько?

– Ты хочешь сказать?...

– Противоестественно, – кивнул отец, – Ну, извини! Возможно, тебе было бы проще закопать её на заднем дворе.

Он задёрнул шторы и вернулся в своё кресло. По его лицу

и позе было видно, что он устал от этого разговора, который нам обоим дался очень нелегко.

– Пап, прости меня... Я не имела права осуждать тебя. Вообще, это твоё личное дело... И я отвратительно нахамила...

Он сидел, удобно устроившись в кресле, прямо напротив меня. Таким я его видела уже много раз за свою жизнь. Знакомое с детства лицо, знакомый голос, знакомые движения. Но всё-таки в сознании, как назойливая муха, крутилась предательская мысль – «это не он». Всю свою схожесть это новое существо как-то получило у моего «настоящего папы», которого здесь больше нет. Здесь больше нет ни одной его частицы. Мне было стыдно, но я никак не могла избавиться от этой гадкой мысли.

– Ничего! – он устало махнул рукой, которая практически сразу опустилась назад на подлокотник, – Знаешь, у древних греков есть миф о корабле, на котором Тесей вернулся с острова Крит после победы над Минотавром. Этот корабль долгие годы хранился афинянами и по возможности сохранялся в первозданном виде. Однако иногда при починке старые доски всё-таки меняли на новые. До тех пор, пока старых досок совсем не осталось. И тогда греки задались вопросом: тот ли это корабль, на котором плавал Тесей и который они так бережно хранили, или уже новый? Парадокс...

Отец откинул голову на спинку кресла и умиротворённо закрыл глаза. Казалось, что он уже спит и во сне перед его

глазами проплывает истерзанный бурей греческий корабль под чёрным парусом.

– И как же они его решили?

– Никак... – ответил отец, не открывая глаз, – Да они и не могли его никак решить. Видишь ли, дело не в том, старый корабль или новый. Дело в том, что он сам думает по этому поводу.

– А что думаешь ты?

– По поводу корабля?

– По поводу себя... И нас. Ты ведь подумал, что будет дальше? Тебе не придётся закапывать Кайру на заднем дворе. Но тебе придётся видеть, как постареет и умрёт мама... А потом и я...

Отец чуть приподнялся и посмотрел на меня.

– Ну, конечно, я обо всём подумал. Мы давно всё обсудили с твоей мамой и вместе пришли к правильному решению. Так что её мне тоже не придётся закапывать на заднем дворе.

– Мама... тоже?!

Отец кивнул.

– Она первый член нашей семьи, прошедший процедуру... Если не считать собаки.

– И она всё время молчала... Как она могла скрыть это от меня?!

– Может, она просто не хотела такого неприятного разговора... Как думаешь?

– Значит, ты был только вторым.

– Нет, – в глазах отца заблестел огонёк, который показался мне каким-то не по-человечески зловещим, – Я был только третьим...²

² Опубликован в журнале "Знание-Сила" №3 (март) 2020 г., "Парус" №5-6 (июнь) 2020 г., "Причал" №21 (июль) 2020 г., "Нижний Новгород" №5 (33) (ноябрь) 2020 г., Литературном альманахе – 2021 (ТОГУ) и сборнике "Художественная верификация" (изд. "Перископ-Волга") 2021 г.

Два иероглифа

Солнце почти опустилось за горизонт. Его медно красные лучи освещали невесомые облака, отражались и поблёскивали в неспешных водах Нила, а чуть дальше упирались в разлётшуюся на песках вытянутую чёрную тень – силуэт недостроенной пирамиды. Повеяло прохладой. Великий Фараон глубоко вдохнул вечерний воздух и жестом приказал двум полуобнажённым девушкам с опахалами оставить его.

Ещё некоторое время он сидел на своём богато украшенном прогулочном троне, наслаждаясь тишиной, а потом поднялся и сделал несколько шагов вперёд по вымощенной мрамором веранде, словно заметил вдали что-то и теперь хотел хорошо рассмотреть. Цепкий взгляд Великого Фараона скользил по берегу Нила, по далёкому силуэту пирамиды, по тускнеющему горизонту, а его сухие и обычно плотно сжатые губы постепенно преобразались еле заметной улыбкой.

Сейчас он видел намного больше, чем способен простой смертный. Он видел будущее. Над пока ещё дикой рекой вырастали величественные каскады плотин, от них с математической точностью и геометрической красотой тянулись сети ирригационных каналов, круглогодично насыщающих иссохшую почву живительной влагой. Свои места занимали крестьянские наделы, тенистые сады, вымощенные дорожки,

храмы и, конечно, же статуи. Его храмы и статуи. Символы и результаты свершения его божественной воли... Она преобразует и сделает его царство самым прекрасным местом в мире. А, возможно, изменит и весь мир во веки веков.

Великий Фараон взял папирус и принялся торопливо зарисовывать так внезапно возникший и уже ускользающий образ. Конечно, он ещё много раз всё поменяет и переделает, но тот результат, который он смог вообразить себе, ему уже нравился.

Он так увлёкся процессом, что не услышал, как своей кошачьей походкой к нему подошла Несравненная Нехйит.

– Мой Господин... – осторожно, не желая мешать мужу, проговорила она.

Фараон обернулся и по взволнованному лицу жены понял, что произошло нечто непредвиденное.

– Что случилось?

– Мой Господин, – повторила Нехйит, – Стража схватила чужеземца, бродягу в странной одежде. До этого люди говорят, что видели в пустыне зловещие огни.

– Зловещие огни? – переспросил Фараон, нахмурившись.

– Да. И чужеземец пришёл с той стороны. Это дурной знак, Господин. Возможно, там под покровом сумрака стоит вражеская армия, а это шпион, подсланный к нам, – она сделала паузу, желая успокоиться от своего волнения, – Он очень странный. При нём нашли много странных вещей...

– Странных вещей?

– Да! Я чувствую недоброе. Нам следует убить чужеземца.

– Нет, – решительно произнёс Фараон, – Для начала надо, по крайней мере, поговорить с ним. Пусть это даже вражеский шпион, но от живого пленника нам будет больше пользы, чем от мёртвого.

Фараон нежно взял жену за плечи и прижал к себе, чтобы она успокоилась.

– Распорядись, чтобы чужеземцу дали еды и посадили под замок. И пусть не болтают о его появлении. Утром, я посмотрю, что за странные предметы он принёс, – Фараон улыбнулся, – Может, это просто греческий торговец, отставший от своего каравана.

– Ваша мудрость сравнима только с Вашим спокойствием.

– Когда ты закончишь все этапы обучения, ты будешь обладать теми же свойствами, моя дорогая Нехйит. А теперь пора спать.

* * *

Солнце ярко било с открытой террасы и наполняло собой весь зал. Фараон и царица недавно закончили утреннюю трапезу и ожидали появления начальника дворцовой охраны. Скрупулёзно соблюдая все почести, он вошёл, держа в руке дорожную сумку, отнятую у чужестранца, ловя каждое движение своего Господина, оставил её на столе перед Фараоном и, сделав несколько шагов назад, безмолвно замер в преклоненной позе.

Это была простая, но искусно сшитая заплечная сумка. Фараон хорошо знал, что могут изготавливать его подданные, и это не была их работа. Значит, чужестранец действительно прибыл откуда-то издалека. Фараон чуть приподнял сумку над столом и осторожно высыпал содержимое на мраморную поверхность. Вещей было немного. Несколько золотых монет. Детально и красочно изготовленная карта местности на странном тонком папирусе, многократно сложенная в небольшой квадрат. Блестящая полупрозрачная табличка с непонятными символами. Круглая коробочка из серебристого металла, с испещрённым насечками кольцом внутри, в середине которого покачивалась какая-то заострённая пластинка. Массивный металлический предмет странной формы: толстый и широкий с одной стороны, покрытый пластинами из дерева или кости, а с другой вытянутый и завершающийся трубкой с отверстием.

– Безделушки! – покрутив каждый предмет в руках, заключил Фараон, а потом перевёл свой пронзительный взгляд на начальника стражи, – Что говорит чужеземец?

– Он плохо говорит на нашем языке, Господин, – ответил стражник, не поднимая глаз, – Или же просто не желает отвечать. Я хотел распорядиться пытать его, но Вы запретили действовать так, Господин...

– Я не забываю своих приказов.

– Простите меня за дерзость, Господин.

– Хорошо... – Фараон сделал паузу, задумавшись, – При-

ведите его сюда.

Голова начальника стражи склонилась в ещё более глубоком поклоне, и он поспешно вышел, а через некоторое время двое солдат ввели в тронный зал чужеземца. Подведя и поставив пленника перед троном, один из стражей хотел по привычке ударить его по ногам древком своего копья, дабы тот оказал Воплощённому Богу должное почтение, упав на колени, но Фараон жестом остановил солдата. А потом так же безмолвно приказал отойти страже чуть в сторону и пристально посмотрел на чужеземца.

Своим обликом и одеянием тот не походил на путешественников, которых приходилось видеть Фараону. Одежды чужеземца, однотонные и покрытые геометрическими узорами, состояли из разных частей, надетых одна поверх другой с множеством небольших застёжек. Лицо обладало тонкими чертами, а кожа была белой и чистой, как у представителя благородных жреческих родов.

Он неумело поклонился Фараону и посмотрел на него прямым взглядом, что само по себе уже было проявлением величайшей дерзости.

– Кто ты и куда идёшь? – холодно спросил Великий Фараон.

– Господин, – начал путешественник, с трудом подбирая и путая слова, – Меня зовут Абдулла аль-Хазред. Я шёл с караваном в Сирию. Но потерял в песках и товар и товарищей. Рискую умереть от голода и жажды, я в надежде на ми-

лость Великого Фараона вышел к твоему величественному дворцу. Благодарю тебя за милость и спасение.

– Тебе оказана куда большая честь, чем спасение твоей жизни. Ты удостоился возможности говорить со мной, – заметил Фараон и знаком приказал страже удалиться.

Несравненная Нехйит поняла, что сказанное в дальнейшем не будет предназначаться для ушей простых смертных.

– Я знаю сирийский, – проговорил Фараон, – Ты можешь произнести то же самое на своём родном языке.

Чужеземец повторил сказанное, и Нехйит заметила, что на лице её супруга появилась еле заметная улыбка:

– Да, ты владеешь сирийским лучше, чем египетским, но всё-таки это не твой родной язык, – он сделал паузу, поднялся и встал у края стола – И ты не похож на сирийского купца... Может, тогда хотя бы скажешь, что это за предметы, которые были найдены у тебя.

– Это диковинки, что я везу на продажу...

– Диковинки, – задумчиво повторил Фараон и провёл рукой над разложенными на столе вещами, – Вот, к примеру, что это за блестящая табличка?

– Не ведаю, Господин. Говорят, что амулет с начертанными пожеланиями здоровья и всех благ...

– Неужели? – усмехнулся Фараон и перешёл на язык, который Нехйит понимала лишь отчасти, – А я почему-то думал, что здесь написано «Лаборатория физики высоких энергий».

Чужестранец ошеломлённо посмотрел на Фараона, а тот резко взял со стола тяжелый предмет странной формы и, сжав его в своей руке, направил концом с трубочкой прямо на незнакомца.

– На этой чёртовой ключ-карте моё имя. Это моя карта. И если ты сейчас не расскажешь мне убедительную историю о том, кто ты и зачем тут оказался, то вот эта «диговинка» проделает дырку в твоей башке!

– Ну, слава Богу, это вы... Я уж думал, что меня тут скормят крокодилам.

– Это интересный вариант. Я его обдумую. Спрашиваю ещё раз: кто ты и что здесь делаешь?

– Полегче! Полегче! Прошу, опустите пистолет. Я не представляю угрозы, – испуганно замахал руками путешественник, – В конце концов, я тоже учёный, практически ваш коллега, только не физик, а историк.

– Это не ответ на мой вопрос.

– Про эксперимент рассказал мне ваш напарник... Эндрю.

– Болтун..., – грустно проговорил Фараон.

– Да. И любитель выпить, к тому же, – заметил путешественник, – Не скрою, я был так воодушевлён его рассказом, что не смог устоять перед соблазном. И пока он был в отключке, вытащил у него из кармана ключ-карту. Он сам показал её мне минуту до этого! Я сразу отправился в вашу лабораторию. Дата уже была установлена на устройстве, мне

оставалось только включить его... Увидеть своими глазами древний Египет было так заманчиво. Я даже не отнёсся к подготовке должным образом...

— В таком случае, коллега... — неторопливо произнёс Фараон, убирая револьвер за золотой пояс своего одеяния, — вы поступили, как полный идиот. Устройство перемещает во времени, но не перемещается само. Так что это дорога с односторонним движением. И вы застряли тут навсегда.

* * *

Набережная, вымощенная широкими белыми плитами, начиналась с нижней террасы дворца и шла прямо вдоль воды. Слева и справа от дорожки возвышались ряды пальмовых деревьев, на ступенчатых клумбах, выложенных всё тем же белым камнем, благоухали цветы. Через каждые 15-20 метров к воде спускалась лестница.

Фараон неторопливо ступал по плитам своими кожаными сандалиями, богато украшенными драгоценными камнями. Чужеземец шёл рядом, постоянно спрашивая что-то на неизвестном языке.

— Как историк, могу заявить, что вы выбрали очень интересную эпоху! Правление XIII династии одни считают периодом хаоса, другие временем стабильности... Имена фараонов не дошли до нас. Разве что два иероглифа, составляющих имя Великой Царицы Нехйит.

Фараон оглянулся и нежно посмотрел на жену, следовав-

шую за ними чуть поодаль.

– Это мы скоро исправим. У меня довольно масштабные планы по переустройству этого места. Например, набережная, по которой мы идём, построена уже при моём правлении.

– Восхитительная работа с камнем! – похвалил историк, – Как вам это удалось?

– С камнем? – Фараон усмехнулся, – Это бетон.

– Бетон?

– Да. Известняк прекрасно растирается в медных ступках до состояния мелкой муки. Добавляя воду и другие компоненты для прочности, его доводят до нужной густоты и заливают в деревянные опалубки. На нашем солнце он моментально схватывается, а через несколько недель становится настолько твёрдым, что неотличим от монолита. Так можно делать кирпичи, строительные блоки, колонны или вот такие гладкие наливные поверхности. Это первая технология, которую я подарил этому народу.

– Потрясающе!

– Кстати, взгляните на ту сторону реки, – Фараон указал на силуэт недостроенной пирамиды, – Сейчас конструкция закончена примерно наполовину.

– Неужели тоже бетон?

– Разумеется. Сейчас там работает примерно 50 человек. И примерно через 5 месяцев они всё закончат.

– Так быстро?

– Они ставят опалубки для новых блоков непосредственно рядом с уже готовыми и просто заливают раствор. Так оказывается, что блоки словно подогнаны друг к другу и держатся без какого-либо цемента. Время расходуется только на приготовление новых порций раствора, пока предыдущие блоки затвердевают.

– А что происходит там? – историк указал туда, где ниже по течению, происходило какое-то человеческое движение.

– Более масштабный проект... Это строительство дамбы и прокладка оросительных каналов. Туда действительно брошено много сил, – Фараон задумался, – Лет через 10 мы планируем окончательно поставить под контроль разливы Нила, стабилизировать урожайность, чтобы, наконец, закрыть продовольственный вопрос, и, возможно, начать использовать энергию падающей воды.

– Только не говорите, что собираетесь построить электростанцию

– Вряд ли это случится при моей жизни, – рассмеялся Фараон, но водяные мельницы, бетономешалки, колёсные машины, черпающие плодородный ил со дна – это вполне осуществимо.

Он оперся на перила, изготовленные в форме изящных скрученных колонн, и задумчиво посмотрел на мутноватую воду реки, в которой весело искрилось солнце.

– Зачем вам всё это? Кажется, они уже считают вас живым богом.

– Мне нравится этот народ. Они целеустремлённы, трудолюбивы, они готовы идти на жертвы. До многого они дошли сами. То, что касается практических умений. Но они совершенно лишены научной культуры. Например, они превосходно подготавливают тело к мумификации, мастерски потрошат его, но, представьте только, даже не удосужились оформить свои анатомические наблюдения. Или тем более логически связать состояние внутренних органов с болезнями умершего. Им не хватает знаний и системы образования. Я даю им и то, и другое.

– Но зачем? – повторил свой вопрос путешественник, – Неужели ради простого развлечения?

– Конечно, нет. Чтобы поменять ход всей истории. Именно для этого я нахожусь здесь.

Историк хотел что-то ответить, но от неожиданности даже захлебнулся воздухом. Наконец, откашлявшись, он спросил:

– А что, собственно, вас не устраивает в нашей истории?

– А неужели вас в ней всё устраивает? Вы лучше меня знаете все те ужасные ошибки, которые успело совершить человечество за время своего существования. Войны, эпидемии, торжество невежества и жестокости... Всё это наша история! Мир людей стал слишком большим, но не стал более совершенным. Исправить, переделать его... Уже невозможно. Только создать заново.

– Не слишком ли трудная задача для одного человека?

– Ну, я же почти бог, – усмехнулся Фараон.

– Я имею в виду... Вы определённо очень образованный человек, разносторонний... Но вы не можете знать всего.

– Да. Именно поэтому я привёз с собой довольно большую библиотеку. Механика, физика, химия, астрономия, биология... Всё, конечно, реферативно, с тем самым практическим уклоном, чтобы знания можно было сразу применить. Я потратил почти год на подготовку всех распечаток.

– Распечаток? Не проще ли было взять с собой флешку? Фараон расхохотался.

– На цифровой носитель, конечно, влезает больше, но какой от него прок здесь?

– Действительно... – замялся историк, – Я просто не подумал об этом. Кажется, мы настолько привыкли к современным технологиям, что уже не представляем, как обходиться без них.

– Бумага тоже не идеальное решение... При всём старании мои подданные не смогут освоить все привезённые мной знания достаточно быстро. Я умру, бумага истлеет... Именно поэтому я начал с бетона. Я оставлю после себя храмы и монументы, испещрённые текстами. И носителей языка, способных эти тексты читать. Это будет мой Завет, мои «Моисеевы скрижали», но только на этот раз Слово Божие будет намного полезнее. От подножия пирамид оно устремит новое человечество напрямик к звёздам!

– А что же произойдёт с тем человечеством, которое помним мы?

– Ничего. Оно исчезнет. Потому что никогда не появится.

* * *

Огненная колесница Ра скрылась на западе в царстве Сета. Нехйит уже знала, что это просто самая близкая к Земле звезда, что таких звёзд множество, что они просто намного дальше. Но старое «объяснение» нравилось ей, потому что она находила его поэтичнее.

Она осторожно посмотрела на террасу, где до сих пор беседовал её Боговоплощённый супруг и чужеземец. Некоторые слова доносились до ушей Нехйит, но понимала она далеко не всё, чего нельзя было сказать о мужчинах, увлечённо ведущих свою беседу.

– Спустимся к воде, – предложил собеседнику Фараон, – в это время там становится особенно красиво.

Он взял со стены факел и опустил в каменную чашу, находящуюся у идущей вниз лестницы. В то же мгновение в ней вспыхнуло желтоватое пламя. Огонь побежал вниз по тонкому желобку, зажигая такие же чаши. Уже через несколько секунд по обеим сторонам лестницы горело яркое пламя, освещающая мраморные ступени.

– Масло, стекающее по системе желобков. Остроумно! – похвалил историк, спускаясь вслед за Фараоном.

Над Нилом поднялся ярко белый месяц, прокладывая по его водам дрожащую на волнах серебристую лунную дорожку. Лестница опускалась прямо в воду и, казалось, продол-

жалась по воде этой невесомой дорожкой света. На волнах слегка покачивалась расписанная золотом лодка, привязанная к мраморному столбику.

– Тут так безлюдно, – проговорил историк.

– Да. В эту часть дворца никто не заходит. Только я и моя Несравненная Нехйит. Нечто вроде Запретного Леса, где разрешено быть только Императору.

– Или Эдемского Сада?

– Ну, в таком случае, я Змей Искуситель, – усмехнулся Фараон, глядя на подрагивающую лунную дорожку, – прельщающий всех плодами древа познания. В любом случае, здесь то место, где я могу спокойно поразмыслить.

– А вы как физик не задумывались, почему я смог появиться здесь?

– Что вы имеете в виду? – Фараон вопросительно посмотрел на своего собеседника.

– Я могу ошибаться... Но, как только вы оказались здесь, в прошлом, наша история должна была измениться. А, значит, я уже должен был видеть и помнить тот «дивный новый мир», который вы планируете построить.

– А вы что-то видели?

– Нет.

– Это интересно... – Фараон отвернулся и, размышляя, задумчиво посмотрел в пустоту, – Возможно, путешествуя в прошлое, мы просто создаём дополнительную альтернативную линию времени. Не меняя того будущего, которое для

нас уже свершилось. А возможно... Стивен Хокинг прав и существует некий вселенский механизм защиты хронологии, который делает бесполезным любое...

Он не успел договорить фразу, потому что сзади на его голову опустилось тяжёлое позолоченное весло. Фараон пошатнулся и медленно осел на мокрые от набегающих волн ступени. Историк выпустил весло из рук. Его сердце бешено колотилось. Действовать нужно было быстро.

Он прислушался и, не услышав ничего, кроме ночной тишины, молниеносно взбежал по лестнице. Тронный зал был пуст. На мраморном столе по-прежнему были разложены его вещи, которые он стал поспешно засовывать обратно в сумку. Главное, ничего не оставить. Компас, ключ-карта, монеты.... Пистолет...

– Где же этот чёртов пистолет?! – пронеслось в голове у историка, – Ах, да... Самодовольный болван забрал его себе. Теперь записи...

Он осмотрелся по сторонам. Вдоль одной из стен зала располагались длинные стеллажи. Среди сложенных стопками и скрученных свитками папирусов в свете факелов ярко выделялись толстые белые стопки бумаги в полупрозрачных пластиковых переплётках. Историк не смог взять все сразу. Пришлось ходить по два раза. Через минуту все распечатки уже лежали в чаше с горящим маслом. Механика, физика, химия, астрономия, биология... постепенно превращались в пепел.

– Вот и всё, – историк облегчённо вздохнул, – Почти всё.

Он спустился назад к реке, где на ступенях по-прежнему лежало тело Фараона. Кровь уже натекла на мрамор и теперь расплывалась бурым пятном по поверхности воды. Историк склонился над трупом, достал у него из-за пояса револьвер и переложил к себе. Затем он с трудом погрузил тело в лодку, залез в неё сам и, подняв весло, оттолкнулся от берега.

Тихий плеск воды быстро успокоил его. Теперь человечеству ничего не угрожает. А самое главное – его семья, его дети... Теперь они будут жить. Они не сгинут в одночасье в небытии несвершившейся истории. И все остальные.... Все остальные тоже продолжают существовать. И это он, персонально он спас всех! Никаким сумасшедшим планам безумца не суждено сбыться.

Он посмотрел на развалившееся в лодке тело. Мертвый Бог раскинул обессилевшие руки в стороны, окровавленная голова была откинута назад, бледное лицо в свете луны казалось светящимся, тонкие губы были плотно сжаты, а остекленевшие глаза, казалось, пристально смотрели на звёзды, к которым Фараон так стремился. На мгновение историку показалось, что мёртвый Бог слегка улыбается, поэтому он поспешил спихнуть его в тёмную воду. Вслед за ним отправились монеты, компас, карта и пустая сумка.

Оставалась ещё одна мелочь. Вытянувшись в полный рост, историк встал на край лодки и приставил пистолет к своему виску.

– Хронология должна быть защищена, – подумал он и нажал на спусковой крючок.

* * *

Великая Царица Нехйит сидела в зале на троне своего супруга, от которого она унаследовала и божественный титул, и абсолютную власть.

С открытой веранды, как и прежде, ярко светило солнце. Вдали за рекой возвышался тёмный силуэт пирамиды, где никогда уже не будет погребено тело её возлюбленного Богоявленного Господина. Ниже по течению блестящую гладь Нила рассекало массивное тело большой дамбы. В стороны тянулась сеть оросительных каналов, снабжающих водой поля и сады по обоим берегам реки. Где-то за дамбой скрипели колёса водных машин, мелющих муку для хлеба, мешающих раствор для строительства зданий и дорог, черпающих ил для удобрения почвы.

– Разве сравнима какая-то пирамида, какой-то саркофаг, со всем этим? – думала Царица Египта, – Его тело стало плодородной почвой, кормящей нас; Его кровь – это воды Нила, поящего нас; Его разум – это Солнце Ра, согревающего и дарящего свет всему существу. Неужели время так жестоко, а люди так неблагодарны, что в истории сохранится только два иероглифа моего имени, и ни одного из Его великих дел?

Нехйит в раздумьях склонилась над мраморным столом, на котором лежала плоская серая коробка и стопка ли-

стов белого папируса. Царица открыла крышку, под которой скрывались ряды выпуклых квадратных пластин со множеством символов, провела по ним своими утончёнными пальцами и обреченно закрыла. Когда-то её супруг показывал ей, как можно извлекать знания из этой волшебной коробки. Сейчас же она молчала. Но определённо был способ заставить её вновь заговорить.

Великая Царица нерешительно подняла со стола записи. Читать этот язык было неудобно, слишком уж много символов умещалось на листе, а их бесконечные сочетания образовывали слова, значение которых Нехйит понимала только отчасти. И всё же она смогла прочесть: «Электрический ток: основные свойства, получение, преобразование и передача».

Пересилив страх от непонимания, она продолжала листать, прочитывая страницу за страницей. Рисунки, схемы и подписи постепенно начинали складываться в её голове в какую-то фантазмагорическую картину.

Проволока... Тонкие металлические нити. Мы сможем вытянуть их из золота или меди. Керамические изоляторы... Гончары изготовят их. Катушки и маховики можно как обычно сделать из дерева и известняка. «Любящий камень»... Есть только один кусок, когда-то привезённый ради забавы. Его мало. Потребуется намного больше, значит, придётся отправить караван на Восток. Сегодня же! Вся конструкция должна приводиться во вращение. Это проще все-

го. Нужно подсоединить её вал к одной из водяных машин. В случае необходимости, можно добавить дополнительные шестерни.

Она пока ещё не понимала как именно, но это должно было работать. Впервые Несравненная Нехйит начинала постепенно ощущать то мудрое спокойствие, так свойственное её покойному супругу, потому что теперь совершенно точно знала, что нужно делать. Стараясь сдержать слёзы, она плотно сжала сухие губы и мысленно прошептала:

– «От подножия пирамид напрямик к звёздам!» Ты всегда говорил так. Да будет так!³

³ Опубликован в Литературном альманахе – 2021 (ТОГУ), журнале "Причал" №26 (май) 2021 г., "Инвожо" №5 (июнь) 2021 г., альманахе "Крылья" №15, 2021 г.

Доктор Б., или как я перестал работать и полюбил донат

** Посвящается Борису Бояринову «со дна российской науки».*

*** Все совпадения случайны, а имена вымышлены.*

Доктор Б. как обычно сидел перед камерой на фоне ковра. Лысый, но бодрый старик, сейчас, он походил на осовремененного Льва Толстого, потому что отпустил седую бороду, которую периодически почёсывал и лохматил рукой.

– В общем, бояться атомной бомбы не нужно. Не нужно. Она, конечно, самое мощное оружие, но не абсолютное. И это всё, что у меня есть вам сказать про атомную бомбу. Искренне жду вашей финансовой поддержки. Для этого под роликом опубликован номер карточки, номер банковского счёта, PayPal, QIWI-кошелёк, Яндекс-деньги. Вот сейчас закончу попрошайничество и нажму на кнопку. До свидания.

Доктор Б. протянул руку к камере, остановил запись и тяжело вздохнул. Прошло уже пять лет с тех пор, как он начал вести свой видеоблог. Успешное участие в нескольких научно-популярных передачах, помноженное на смертельную усталость от преподавания для студентов, которых практи-

чески ничего не интересовало, подтолкнули учёного к такому нетривиальному шагу. Здесь, в небольшой комнатке, во фрагменте реальности оцифрованной камерой, он мог создать собственную кафедру. Нет, даже собственный приход. Собственный храм науки, куда стекалась более или менее заинтересованная сетевая публика. Эта метафора понравилась Доктору Б. и, твёрдо решив в следующий раз непременно её использовать, он медленно поднял со стула своё грузное тело и пошёл на кухню.

За окном город начинал погружаться в темноту. В окно хлёсткой крупой бил мелкий снег. Нетипичная для марта погода немного печалила Доктора Б.

– А что если рассказать про ядерную зиму? – размышлял он про себя, ожидая пока вскипит чайник. – Точнее о том, что её не бывает. Эти наивные теоретики не учли скорость осаждения сажи, а потом и вовсе забыли о нём. Забавно, что это одновременно сотворили и наши, и американцы. Сговорились, наверное? Да нет... Точно сговорились. Везде любят душить своих граждан... Правда, в штатах при этом учёным всё-таки платят больше. Такие вот дела.

Доктор Б. вдруг представил себя где-то в Лос-Аламосе в окружении настоящих физиков-теоретиков, которые своим числом пока что все умещались на одно фото, и от этого ему стало ещё тоскливее.

– Да, кому я там нужен-то... Не очень-то у меня с английским. Даже просить подаяния в своём блоге не смогу. Плиз,

гив ми мани, май лайф соу диффикулт... Вот и всё.

Тоскливые размышления бесцеремонно прервал свисток вскипевшего от негодования чайника. Тем не менее, Доктор Б. решил запомнить и этот печальный образ обречённого на нищенство интеллектуала-мигранта, чтобы использовать его при случае. Он налил горячего чая, взял недоеденный с обеда и уже засыхающий кусок калача и вернулся в комнату.

Уютно устроившись со своим немудрящим десертом за ноутбук, Доктор Б. принялся читать комменты, оставленные к ранее опубликованным роликам. Среди большого количества сравнительно однообразных благодарностей, глаз периодически натывался на довольно забавные, а иногда и раздражающие высказывания.

– Хватит гнать на Советский Союз! – изливался праведным народным гневом новоиспечённый нео-большевик. – Сам-то небось, квартирку от государства получил, а когда работал, мечтал свалить из «поганого совка» к пиндосам?! Ну что, нужен ты им теперь?!

– Профессор, зачем опять говорили про политику? Может, лучше про реактор, про любимый лунный трактор? – цитатой из Высоцкого вопрошала умная и, скорее всего, одинокая барышня.

– А вы мне докажете, что Вселенная недетерминирована! Почему отвергаете наличие скрытых параметров? Ещё сам Эйнштейн писал... – не унимался неугомонный молодой человек с поверхностным пониманием квантовой механики.

– Зря вы абсолютизируете своё навязанное вам так называемое научное знание, профессор! – уверенно, так что это граничило с безумием, вещал какой-то толстый тролль. – Известно, что в Древней Руси люди уже умели получать золото 999-й пробы, и выделяли они его из кала, предварительно выпивая ртуть. Назывался процесс «калохимией», которую потом намеренно исказили в «алхимию», а занимались ей золотари.

Доктор Б. снял запотевшие очки и потёр ладонью лоб.

– Наверное, пришла пора сделать ролик про советскую военщину, не реализовавшую свои планы на Третью Мировую войну. Так и хайп, может, возникнет... А, глядишь, и просмотры повысятся.

Утвердившись с мыслью о необходимости ролика по военной истории СССР, Доктор Б. снова нацепил очки, почесал кучерявую седую бороду и решил проверить своё финансовое положение.

– Не такое бедственное, как обычно, – сам про себя отметил он, не без удовольствия наблюдая сумму поступлений на карту, – 514,62... Однако, больше 500 целковых за сутки... Может, ну её эту советскую военщину?

Ухмыльнувшись своему собственному остроумию, которое в данный момент никто не мог оценить в денежном эквиваленте, Доктор Б. удовлетворённо закрыл крышку ноутбука и отправился спать.

Выспаться Доктору Б., однако, не удалось. Сначала посре-

ди ночи комната вдруг наполнилась ярким сиянием, словно какой-то очумевший таксист, запарковавшийся в ожидании пассажиров, дальним ксеноновым светом пронзил окна профессорской хрущёвки. Свет быстро потух, Доктор Б. недовольно перевернулся на другой бок и, казалось бы, практически сразу опять заснул, но раздался какой-то грохот. Снова повернувшись с боку на бок, профессор по-стариковски крикнул, медленно встал и с раздражением поплотнее задёрнул тяжёлые шторы.

– В этой стране не то, что пенсию... даже поспать нормально не дают, – проворчал он, нащупав на прикроватном столике пару берушей, и основательно заталкивая их в свои ушные раковины, обрамлённые остатками былой шевелюры. – Как хорошо, что я бросил это треклятое преподавание...

Доктор Б. опять взгромоздился на свой изрядно пролёжанный диван, но, несмотря на воцарившиеся, наконец-то, темноту и тишину, сон к нему так и не пришёл. Проворочавшись в непонятной мучительной полудрёме до самого утра, Доктор Б. поднялся всклокоченный и помятый. Позавтракал на скорую руку двуглазой яичницей и сел за запись нового видео. После бессонной ночи, настроение Доктора Б. было не из лучших, но он быстро поднял его, хорошенько оттоптавшись на сетевом фрике, предлагающем синтезировать золото из ртути путём дефекации. Потом, чтобы не вставать, записал ещё один ролик, на этот раз про изотоп Гелий-3. А

потом ещё один про Сталинские репрессии. Пока, наконец, не обнаружил, что уже настало время обеда.

Довольный своей продуктивностью, Доктор Б. решил в очередной раз проверить финансы, и к удивлению вновь обнаружил знакомую сумму. Нет, это не был застывший на месте баланс, но донат за истекшее время вновь составил 514 рублей 62 копейки. Слегка позабавившись такому совпадению, Доктор Б. традиционно отправился харчеваться на кухню, где совместил процесс поглощения физической пищи с вкушением пищи духовной, в виде чтения очередной горячей порции комментов к предыдущим выпускам своего блога. Впрочем, содержательных и забавных сообщений на этот раз было меньше...

– Не хватает колпака деду-звездочёту... – упражнялся в нехитрых одностишиях один из местных острословов.

– Не в обиду сказано, протирайте очки. Видно, что заляпаны пальцами... – делал замечание глазастый зритель.

– Дедуль, вот, когда вы о науке рассказываете, создаётся впечатление, что вы умный человек, но, когда в геополитику лезете, ну, ватник ватником! – подытоживал диванный политолог-либерал.

Однако, кроме этого, лента почему-то пестрила однотипными угрожающими посланиями про начало ядерной войны, рассказами о взрывах кобальтовых бомб, жертвах облучения и тому подобными страшилками. Сюжет для очередного выпуска видеоблога родился буквально мгновенно, по-

этому Доктор Б. ухмыльнулся из-под усов и включил камеру.

– Здравствуйте! Вот, что я вам хочу сегодня рассказать. В 1938 году в эфире радиостанции Си-Би-Эс. Это происходило всё в США, Си-Би-Эс – это американская радиостанция. Не путать с Би-Би-Си – Британская вещательная корпорация. Так вот, в эфире американской Си-Би-Эс состоялась радиопостановка. Радиоспектакль, поставленный под руководством Орсона Уэллса по знаменитому роману Герберта Уэллса «Война миров». Надо сказать, что Орсон Уэллс помимо того, что потомок, правнук, кажется, писателя-фантаста Герберта Уэллса. Он ещё и талантливый режиссёр театра и кино. Да. Например, он снял замечательный фильм «Гражданин Кейн». Так вот, он поставил этот радиоспектакль в жанре, как бы сейчас его назвали, реалити-шоу. Ведущий выбегал из студии на крышу. Рассказывал, что видит надвигающиеся марсианские треножники, и всё в таком духе. И многие американцы – они же там все тупые, как любил говорить известный сатирик, поверили в это. Да, на полном серьёзе. Была даже некая, ну не паника, но волнение среди населения. Вот такая, значит, история. А зато потом после атаки японцев на Перл Харбор, многие наоборот не поверили сообщениям, потому что решили, что их опять разыгрывают.

Он сделал паузу, глубоко вздохнул и улыбнулся:

– Вот и некоторые из вас, моих интернет-слушателей, интернет-зрителей решили сегодня меня разыграть прямо как

Орсен Уэллс, но не по радио, а по Интернету. Меня это очень порадовало, и вот поэтому я вспомнил эту историю, которую сейчас вам рассказал. Но ещё больше меня порадует, если вы поддержите меня финансово, чтобы я смог и дальше делать такие видео. Для этого внизу опубликован номер счёта, номер моей карточки, Яндекс-деньги, PayPal, QIWI-кошелёк. Всё. До свидания. Всех благ!

Доктор Б. выключил камеру и откинулся на спинку кресла. День сегодня определённо был очень результативным. Его остаток прошёл в привычном ритме, словно по накатанной. Он монтировал видео, как обычно, не особо утруждая себя эффектами, склейкой и обрезкой, потом выкладывал видео, читал комментарии под уже выложенными роликами и всё в таком роде.

Только один раз он всё-таки ответил на вопрос из тех, что касаются его личного персонального бытия.

– Профессор, вы что зомбоящик совсем не смотрите? Вдруг случится Третья мировая? – спрашивал один из пользователей.

– Совсем не смотрю, и вам не рекомендую, – написал Доктор Б., – от своего зомбоящика я избавился примерно 7 лет назад. До этого на протяжении лет 15-ти он был накрыт салфеточкой и исполнял роль тумбочки. А про Третью мировую в следующий раз расскажу.

Подумав ещё немного, профессор, всё-таки записал запланированный выпуск про советский милитаризм, прики-

нув, что тем самым обратит на себя внимание заклеимённых проклятиями пользователей с Тупичка Гоблина и других сетевых нео-сталинистов.

– ... Третьей мировой так и не случилось. А наше поколение так и не поняло, почему мы всю жизнь должны были делать танки и ядерные бомбы, когда могли бы делать утюги и стиральные машинки. Вот так мы всю жизнь готовились к войне, а она так и не наступила... Такие дела, – немного грустно подытожил Доктор Б. – Благодарю вас за лайки, просмотры, правда, вот в последнее время почему-то совсем перестали комментировать. Ну, хоть финансово помогаете. Не даёте старику по миру пойти. Чтобы мне совсем хорошо стало, внизу опубликован номер счёта, номер карточки, PayPal, QIWI-кошелёк, Яндекс-деньги. Присылайте мне подаяния, а я продолжу совершенно безвозмездно делиться с вами знаниями на этой паперти храма науки. Всем удачи! Пока-пока.

Доктор Б. остановил запись и отправился спать. В эту ночь он заснул поистине младенческим сном. И тому было сразу несколько причин.

Во-первых, он был как никогда доволен собой, так как выяснилось, что он способен создавать интересный и содержательный контент буквально на лету.

Во-вторых, некоторые пользователи, похоже, поставили ему донат на автоплатёж. Коммерсант средней руки, владеющий тремя ларьками, которые сам он называл «продовольственной сетью», вдруг представил себя меценатом и по-

жертвовал 100 рублей в сутки. Сердобольная работница библиотеки, у которой душа болела за культуру и образование, скрепя сердце, установила ежедневную выплату в размере 10 рублей. Бьюти-блогерша приколотась со «стёбного старикана», который тоже запиливает видосики, и решила задонатить ему полтинник к пенсии. Какой-то жадина, желая выказать своё презрение «ватному» профессору, бросил одинокий рубль. Наконец, язвительный молодой человек с поверхностным знанием квантовой физики и истории СССР, изображая псевдоинтеллектуала, подкинул профессору 3 рубля, 62 коп. Ведь в стабильных советских ценах такого доната как раз хватило бы на бутылку водки. Другие, куда менее примечательные личности из числа сетевых зевак, набросали виртуального подаяния в сумме 350 рублей. Доктор Б. не знал никого из них. Впрочем, всё это не имеет равным счётом никакого значения. Намного важнее, что он уже в который раз получил свои 514,62. И, это, конечно, приводило профессора в самое приятное расположение духа, делая его сон особенно сладким.

И, наконец, третье, и, наверное, самое главное. На заснеженной улице было так темно и так тихо, что, казалось, весь город вошёл в бедственное положение старого и усталого блогера и дружно решил дать ему возможность хорошенько выспаться.⁴

⁴ Опубликован в сборнике "Наука веселья" (изд. "Перископ-Волга"), журнале "ЛикБез" №127 (март), 2021 г., журнале "ВеликороссЪ" №143 (март), 2021 г.

Damnatio memoriae

В детективных книжках нам часто в качестве героя преподносят сыщика. Эркюль Пуаро, Шерлок Холмс, комиссар Мегрэ... Помните ли вы имена всех злодеев, которых они изловили? Разве что профессор Мориарти. Остальных вряд ли... Интересно, почему в реальности всё происходит наоборот? В истории остаются имена психопатов, насильников, серийных убийц, но не тех, кто остановил их.

Именно поэтому сенатом и был принят закон, который исторически называется «damnatio memoriae» по-латыни «проклятие памяти», но мы называем это просто процедурой. После физической казни следует вторая – ментальная, информационная казнь. Вместе с преступником уничтожаются и все следы его присутствия в этом мире. Как и не бывало! Это успокаивает общество, это останавливает многочисленных подражателей и вообще выбивает почву из-под ног любителей заполучить славу Герострата. Торжество римского права.

Как только справедливое возмездие свершилось, и преступник зажарился на электрическом стуле, его брэнное тело, как и вся его материальная жизнь полностью передаётся в руки нашей службы. И тогда в дело вступаем мы – «магистраты забвения». Именно так «magistratus oblivionis» и на-

писано на моём жетоне...

I

Тюремный морг. Всё начинается здесь. Я открываю конверт и узнаю имя моего клиента, которого мне придётся сопровождать. Патологоанатом делает последние приготовления, ничего не отмечая в своём регистрационном журнале. Работники заворачивают тело в стандартный пакет и грузят в машину. Я забираю все документы и личные вещи клиента. С этого момента он отправляется в полное небытие.

Мы едем по ночному городу. Дождь барабанит в крышу и окна автомобиля. В растекающейся по лобовому стеклу воде, размазываются силуэты домов и светящиеся пятна фонарей и фар. Водитель спокоен. Кажется, что я его знаю, но не помню имени. Путь между тюрьмой и крематорием он проезжает со мной не в первый раз. Чувствуется, что его работа давно превратилась в рутину. Впрочем, как и моя. Сейчас этим вряд ли

кого-то удивишь.

– Закурю? – спрашиваю я водителя. Он молча кивает. Я слегка опускаю окно, чтобы дождь не заливал салон, и закуриваю. Терпкий табачный дым наполняет носоглотку. Сигареты дешёвые и слишком крепкие, но, по крайней мере, так я не ощущаю неприятное раздражение где-то чуть выше нёба. Кажется, я болеваю. Выдыхаю дым в дождь, наблюдая, как снаружи мелькает и мечется ночной пейзаж. И, забывшись,

погружаюсь в свои мысли.

– Приехали, – толкает меня в бок водитель. Я выхожу и спешу скрыться от дождя в тепле чёрного здания, не дожидаясь, пока работники крематория вытащат труп. Внутри всё происходит быстро. Я видел, как эта процедура происходит в других обстоятельствах, поэтому точно знаю, что значок «магистрата забвения» всё существенно ускоряет. Я сжигал своего отца. Даже если не учитывать церемонию прощания со всеми родственниками, которых в его случае было не густо, бюрократии хватало. Теперь я регулярно сжигаю людей и могу делать это быстро. Без лишней писанины.

Работник морга распахивает створки печи, куда некоторое время назад отправилось тело, чтобы я мог зафиксировать факт его полного сгорания. Все присутствующие в ожидании смотрят на меня. Я киваю, и пепел начинают бесцеремонно сгребать в очередной стандартный пластиковый пакет. Намного меньше, чем предыдущий. Без наклеек и отметок.

II

Иронично, но тело – это самое незначительное, что оставляет человек после себя. Информация – вот самый обильный продукт человеческой жизнедеятельности, поэтому на стирание её наша служба тратит большую часть своих сил. Тело клиента ещё не начало гореть в печи крематория, а наши IT-спецы уже «жгли» сотни его упоминаний в сотнях баз дан-

ных. Банковские счета, кредитная история, автомобильные штрафы, оплата жилья, история покупок в онлайн-магазинах, странички в социальных сетях... Всё бит за битом улетало в цифровую топку. Параллельно устанавливались различные связи, воссоздавалась история, весь путь с момента рождения и до гробовой доски.

Даже в наш век информационных технологий, многие организации всё ещё дублируют, а некоторые и полностью ведут, дела на бумаге. Обычно мне присылают список таких организаций, где клиент, так или иначе, появлялся. Но, чаще всего, я уже знаю его наперёд. Все материалы мне необходимо изъять, проанализировать возможные «хвосты» и уничтожить. Справки, выписки, листы регистрации, фото... Всё в огонь. Важно ничего не пропустить. Мы называем это бумажной работой.

По протоколу вести работу с документами необходимо в конторе. Но на трезвую голову это делать сложно, поэтому я нарушаю протокол. По дороге из крематория я прошу водителя выкинуть меня на углу. Он рад закончить смену пораньше и с удовольствием делает это. Я выхожу из автомобиля прямо под дождь, поднимаю ворот плаща, надвигаю шляпу. Сегодня я точно заболею. Несколько торопливых шагов по лужам и я оказываюсь в моём любимом заведении под неприятзательным названием «Место».

«Место» работает до глубокой ночи, но чаще всего здесь немногочленно, и за это я его люблю. Обойдя стороной бар,

где подолгу заседают ночные выпивохи с их длинными и мутными разговорами ни о чём, я делаю заказ в терминале. Две порции коньяка, три кофе с сахаром, солёные орешки. Ровно столько мне хватит на остаток ночи до закрытия. Я прохожу в дальний угол зала, где уютно расположена группа столиков с мягкими креслами и устраиваюсь там. Здесь тихо. Разговоры, ведущиеся за барной стойкой, сливаются с негромкой музыкой и практически не различимы. Я дожидаюсь, когда официантка, одаривая меня усталым взглядом, принесёт мой заказ и уйдёт, и раскладываю бумаги.

Надо сказать, мой сегодняшний клиент был первосортным ублюдком. В прошлом году он вошёл в церковь прямо посреди рождественской мессы и открыл стрельбу. Сначала он стрелял по толпе прихожан из автоматического дробовика, превращая людей в фарш. Потом, когда патроны закончились, сбросил ствол, взял две «беретты» и вышел на улицу, чтобы устроить тир по прохожим. Он остановился, только когда разрядил все обоймы из обоих пистолетов. Так его и взяли. Он стоял посреди площади перед церковью. Смотрел в небо, раскинув руки в стороны, словно распятый Иисус. Вокруг трупы. Подонок хотел славы, но мы сразу перекрыли всё, что можно было. Телевизионщики показывали только здание с обратной стороны. Имя преступника в прессу тоже не просочилось. Он надеялся на публичный суд, но такого у него тоже не было. Никаких журналистов, никаких присяжных, никакого пафосного зачитывания манифестов со ска-

мьи подсудимых. Он не получил ни одной минуты славы, кроме той, что провёл на электрическом стуле. А теперь я превращу всю его жизнь в ничто. Он не оставит никакого следа в истории человечества.

Чёрт, как же я не люблю копаться в этом дерьме. Иногда я ощущаю смрад гнилых человеческих душ, идущий со страниц. И тогда я выпиваю коньяк и крепкий ароматный кофе. Это помогает. Я просматриваю страницу за страницей и делаю небольшие пометки в свой блокнот. Завтра нужно будет заехать в несколько мест, чтобы собрать оставшиеся бумаги.

III

– Доктор ждёт Вас в своём кабинете, – улыбнувшись, говорит мне медсестра на ресепшене. Этакая русская красавица с красивыми волосами соломенного цвета и округлыми формами под белым халатом. Глядя на её припухлые губки невольно задаёшься вопросом, как хорошо она делает минет. Но я не люблю отвлекаться от работы. Я иду в направлении кабинета главного врача по до блеска натёртому полу между напольных ваз с какими-то растениями, упираюсь в белую дверь с золотой табличкой и, без стука открыв её, вхожу в кабинет.

Доктор сидит за своим рабочим столом в широком кожаном кресле. Я устраиваюсь напротив на стуле для посетителей. Представляться мне не нужно, мы хорошо знаем друг друга, и друг другу не нравимся. Я выжидающе смотрю пря-

мо в глаза главному врачу, и он решает прервать молчание первым.

– Запрос из вашей организации к нам пришёл ещё вчера. Все документы были подготовлены. Вот они, – он открывает ящик стола и выкладывает передо мной толстую пачку бумаг в картонных папках.

– Хорошо, – визуально оценив объём документов, отвечаю я и машинально достаю сигареты.

– Тут не курят, – останавливает меня врач.

– Простите, – прячу я сигареты, – Но кроме этого меня интересует... Словом, нет ли чего-то не отражённого в бумагах?

– Мы ведём свои записи очень аккуратно. Всё отражено здесь, – с нескрываемым раздражением отвечает доктор, – Если вас интересует моё профессиональное мнение, то я его выскажу: это был очень больной и несчастный человек. Его нужно было лечить, а не казнить.

– Я не веду расследование «post mortem», чтобы пересмотреть решение суда, доктор. Это не моё дело. Мне просто нужна информация, чтобы выполнить свою работу.

– Вашу работу... – сквозь зубы цедит врач, – Всё, что нужно для вашей работы, находится в этих папках. Если у вас есть сомнения в их полноте, вы можете прислать свою архивную службу.

– Не вижу в этом необходимости, – спокойно отвечаю я, – Хочу только напомнить Вам о протоколе неразглашения...

– У нас это называется врачебной тайной. Ваши бумаги я тоже подписал.

– Хорошо. Благодарим Вас за сотрудничество.

Я собираю документы и выхожу из кабинета. Мне часто приходится встречаться с идеалистами вроде этого доктора, которые не понимают нашу работу, или даже считают её вредной. Это их право. Объяснять что-то таким людям абсолютно бесполезно. Впрочем, как и всем остальным. Тем не менее, и я, и все мои коллеги, работаем для того, чтобы создать новый, более светлый и чистый мир. Битва за будущее ведётся в прошлом.

IV

Книжный клуб. Оказывается, ублюдок любил чтение. По крайней мере, в его бумажнике была членская карточка. Что он там читал? "Майн Кампф" Гитлера или ещё какую-нибудь дрянь? Скоро я это узнаю. В любом случае, необходимо посетить эту библиотеку. Интересно, там наливают? Хотя бы кофе.

Темнеет рано. Город погружается в сумерки, как в чёрную липкую смолу, от которой не отмыться. Хорошо, что сегодня нет дождя, но тянущий холодом ветер всё равно пробирает до костей. Я подхожу к стеклянным дверям, из-за которых струится тёплый жёлтый свет и захожу внутрь. Холл, устланный коврами и обрамлённый кадками с пальмообразными цветами, раскрывается в зал, заполненный книжными стел-

лажами. Книги в середине, книги по краям, справа и слева, по стенам. Я невольно поднимаю глаза к потолку, но там нависают только старомодные хрустальные светильники.

Я небрежно бросаю шляпу на рогатую вешалку, одиноко пристроившуюся в углу. Кажется, она вся вжалась в этот свой угол, спасаясь от заплонивших всё полок и корешков. Ощущая окутывающее меня тепло, я распахиваю плащ и прохожу вдоль ряда стеллажей. В ожидании хоть кого-нибудь я разглядываю обложки книг, аккуратно классифицированных, упорядоченных и расставленных по своим категориям. "Классическая литература", "русская проза", "Достоевский", "Преступление и наказание". Я беру книгу с полки и рассеянно перелистываю страницы. История мучающегося и раскаивающегося убийцы, который старался, но так и не смог оправдать сам себя. Наивно. И так не похоже на мою историю.

– Здравствуйте, – слышу я за спиной приятный женский голос, – Вы магистрат забвения?

– Не припомню, что бы я показывал свой жетон..., – я оглядываюсь. Передо мной стоит худощавая брюнетка в очках с толстой оправой. Она одета в облегающее фигуру чёрное платье с, наброшенной на плечи на манер шали, белой вязаной накидкой. Девушка явно хотела бы выглядеть как женщина вамп, но неисправимо остаётся хрестоматийным книжным червём, одинокой настолько, что держит кота.

– В будни у нас не так много посетителей, как хотелось бы.

А вы явно зашли по работе. Просто ждали, когда кто-нибудь появится. И потом, такой выбор книги...

– Кстати, о работе, – перебиваю я, и показываю девушке листок для записок с написанной фамилией, – Вы помните этого человека?

– Эм... Да, – девушка неловко улыбается из-под очков, – Смутно... Почти забыла.

– Хорошо, – улыбаюсь я в ответ, понимая, что она со мной заигрывает. Похоже, барышня совсем одичала среди своих книг, раз готова броситься на первого встречного.

– У нас тут есть нечто вроде маленького домашнего кафе для посетителей. Может быть, выпьем по чашечке кофе и обсудим то, что вас интересует?

– Не откажусь, – уверенно отвечаю я, и следую за девушкой, наблюдая, как она подчёркнуто крутит бёдрами, видимо, надеясь на продолжение вечера. Через пару минут мы уже сидим друг напротив друга за небольшим круглым столиком под бордовым абажуром с бахромой. Всё кафе представляет собой четыре точно таких же столика под такими же абажурами, занимающих пространство почему-то не занятое книжными стеллажами.

– У вас можно курить? – деликатно спрашиваю я.

– Вам... можно, – выдержав многозначительную паузу, всё так же заигрываяще отвечает брюнетка. Я неторопливо закурываю, отпиваю кофе и внимательно смотрю ей прямо в глаза.

– Я не знаю, что вам сказать... Я и правда не особо запомнила этого посетителя. Он был у нас только однажды, даже завёл клубную карту, взял у нас всего одну книгу.

– Какую?

– Минутку. Я сейчас посмотрю, – девушка поднимается с места и проходит вдоль стеллажей, давая мне возможность в очередной раз оценить прелести её фигуры. Вскоре она возвращается с потёртым томиком в светло-коричневом переплёте.

– Вот эта, – она кладёт книгу на стол и вновь садится напротив, внимательно и почти изучающе наблюдая за моими действиями.

– «История Древней Греции». Интересно, – секунду я кручу книгу в руках, потом открываю и, увидев вложенную библиотечную карточку с именем клиента, практически автоматически выдёргиваю её и сую в карман. После чего продолжаю неторопливо листать томик. Будет неприятно, если он оставил на страницах какую-то отметку или послание о себе, которое я пропущу. Поняв мой интерес по-своему, брюнетка решает продолжить беседу.

– Не думала, что вы любите книги. Ваша... Организация... Она напоминает мне тех ребят у Брэдбери... «451 градус по Фаренгейту».

– Напрасно, – отвечаю я, не отвлекаясь от просмотра страниц, – У нас с ними масса различий... Начнём хотя бы с того, что мы сжигаем книги вместе с людьми.

Брюнетка нервно хихикает. Кажется, мой показной цинизм хорошо дополнил тот образ, который она уже себе нарисовала.

– И всё же... Какой в этом смысл? В чём ценность забвения?

– Похоже, Вы не обсуждали закон о «проклятии памяти» со своим сенатором.

– Я вообще далека от политики.

Мой взгляд останавливается на заломленных страницах. По всей видимости, их читали с наибольшим интересом. Я поднимаю глаза на брюнетку и, расслабленно откинувшись на спинку стула, отпиваю кофе.

– Вы помните историю о Герострате?

– Конечно. Он сжёг знаменитый храм Артемиды в Эфесе.

– Он объяснил цель своего поступка желанием остаться в веках. И с тех пор у нас регулярно появляются «Геростраты» всех сортов. И теперь их интересы не ограничиваются зданиями. Они годами насилуют и убивают женщин и детей, оставляя на их телах разные символы и знаки. Они взрывают себя в переполненных залах аэропортов и вагонах метро. Они обвешиваются камерами и транслируют в Сеть то, как совершают массовый расстрел безоружных людей... И когда мы возьмём одного, его разрушительной идеей уже может заразиться десяток таких же «Геростратов». А то и похуже... Это вирус. Вирус тщеславия. Вот с чем мы боремся. У Герострата получилось остаться в человеческой памяти. Но

больше не получится ни у кого, — я замолкаю и снова бросаю взгляд на брюнетку, которая, не мигая, смотрит на меня, — Вы спрашивали: «В чём ценность забвения?». Забвение защищает и приносит спокойствие. В мире было слишком много зла, чтобы о нём помнить... Кажется, свою шляпу я оставил там?

— Вы уже уходите?

— Да, — я отдаю книгу брюнетке, — Благодарю за сотрудничество.

— Но... — она растерянно берёт томик у меня из рук и следует за мной, — Может, вы ещё зайдёте как-нибудь?

— Возможно. В следующем месяце.

— Это... Хорошо, — она слегка мнётся, глядя как я надеваю шляпу, тщательно заматываю шею шарфом и застёгиваю плащ, — Простите... А как вас зовут?

— Никак.

— А серьёзно?

— Серьёзно. Процедура «*damnatio memoriae*» применена ко всем магистратам забвения прижизненно. У нас нет имён.

— Прямо как у «Людей в чёрном»?

В ответ я молча улыбаюсь и выхожу на улицу. Мокрый снег летит с неба частыми и крупными хлопьями. Они на секунду вспыхивают в плотных пучках света от фонарей и исчезают во тьме, чтобы через секунду облепить моё лицо и одежду. «Да, как у грёбанных людей в чёрном», — думаю я и закуриваю. Сколько раз я слышал этот идиотский вопрос...

Жаль, что у меня в кармане зажигалка, а не вспышка для стирания памяти.

V

Печь. Она располагается в подвале нашего служебного здания. Когда-то давно это была угольная котельная, снабжающая теплом все этажи. Сейчас мы используем её для своих целей. «У нас тут нечто вроде маленького домашнего крематория для клиентов» – придумываю я шутку, вдруг вспомнив вчерашний разговор в книжном клубе, и сам невольно улыбаюсь.

Я сижу на старом стуле с металлическими ножками напротив открытой заслонки, за которой бушует оранжевое пламя. Ощущение, что смотришь прямо в Ад. Одну за другой я бросаю в огонь бумаги: выписки, счета, медицинские карточки, отдельные документы или простые записки. Всё в печь.

На этот раз я действую по протоколу, хотя это, скорее, можно назвать ритуалом. Сначала в огонь отправляются все собранные бумаги. Потом... Я достаю из кармана плаща маленький пакетик без наклеек и надписей. Потом – сам клиент. Неужели он провалялся у меня в кармане плаща всё это время? Я брезгливо выкидываю его в печь. И, наконец, в последнюю очередь огню предаю карточку клиента с именем. Ту самую бумажку, которую я достаю из конверта каждый раз, когда начинаю новое дело.

Раздаётся телефонный звонок. Я встаю со стула и, всё ещё держа карточку в руке, иду к столу в противоположном углу комнаты. Мои шаги гулко раздаются в пустом подвальном помещении. Я снимаю трубку.

– Да?

На другом конце провода звучит узнаваемый чуть заикающийся голос нашего архивиста. Этот компьютерный жук недолюбливает и, кажется, немного боится меня.

– Не смог дозвониться тебе на сотовый. Решил, что ты в подвале.

– Да, я здесь.

– Послушай... Выяснилась новая подробность по твоему текущему делу, – он делает паузу.

– Ну, говори! – подгоняю я.

– У твоего клиента, оказывается, есть семья. Бывшая жена и ребёнок.

– Семья? Как такое возможно? У него были только родители. И они давно умерли...

– Брак не был оформлен официально. Ребёнок записан на фамилии матери. В большинстве баз отец не указан. Я... Просто пропустил...

– Пропустил?! – меня начинает разбирать злость, – Ты хоть понимаешь, что у бывшей жены может остаться масса материалов?! Фото, дневники, да хоть всего до чёрта лысого... И мне придётся подчищать всё за тобой! Ты идиот?

– Ну, хорошо, хорошо! Я ошибся...

– Ты идиот?

– Что? Ошибиться нельзя?

– Идиот, – я раздражённо бросаю трубку. В моей руке до сих пор находится листок с именем. Я молча смотрю него. Похоже, этот парень пока не хочет меня отпускать.

VI

Маленький симпатичный домик в пригороде. Стены недавно выкрашены в светло-зелёный цвет. Не знаю, как правильно называется этот оттенок... Салатовый? Вокруг растут ровно подстриженные кусты. Лужайка тоже обхожена. Очевидно, за домом по-хозяйски следит мужская рука. Я поднимаюсь на крыльцо и звоню в дверь. После некоторого ожидания мне открывает женщина. По виду лет 40-45, светлые волосы вьются мелкими кудряшками, поверх домашнего платья в мелкий цветочек надет фартук с жирными пятнами. Она вполне могла бы сойти за классическую домохозяйку из 50-х, если бы не жирные пятна. Я сразу показываю свой жетон.

– Магистрат забвения. Разрешите войти?

– Да... Конечно, – растерянно бормочет она и пропускает в дом. Мы заходим на кухню. На столе разложены продукты, пока ещё пустая кастрюля на плите, приготовлены разделочная доска и нож... Похоже, я отвлёк хозяйку от приготовления обеда.

– Меня интересует ваш муж.

– Он... Он сейчас на работе.

– Вот этот! – я резко показываю ей бумажку, практически ткнув в самое лицо, и по его выражению моментально понимаю, что женщина прекрасно помнит моего клиента.

– Мы расстались... Пять лет назад.

– Мам, кто это? – в проёме кухонной двери замирает мальчик лет девяти.

– Ребёнок от него? – киваю я в сторону мальчишки.

– Да, – отвечает женщина.

– Кто это, мам? – повторяет мальчик свой вопрос.

– Это из полиции. Дядя просто задаст нам несколько вопросов.

– Да, – я поворачиваюсь к мальчику, – Вы ведь живёте с папой? Он сейчас на работе?

– Да... Но это не мой настоящий папа. Он жил с нами раньше, а потом ушёл.

– Правда? А ты помнишь, как его звали? Твоего настоящего папу?

Мальчик уверенно отвечает. Он хорошо помнит его. На некоторые вещи у детей такая цепкая память, получше всякой бумажки. Он смотрит на меня своим пристальным открытым взглядом. С таким не договоришься. С детей не потребуешь подпись на протоколе о неразглашении. Их не запугаешь. Память о родителях живёт у них в генах...

Я перевожу взгляд с мальчика на мать. Кто первый? Что будет правильнее с точки зрения морали? Женщина, кажет-

ся, инстинктивно прочитав мои мысли, делает резкое движение. Это предопределяет мой выбор. Звучит приглушённый выстрел. Пуля попадает ей точно в сердце. Я резко разворачиваюсь и отправляю вторую пулю в сердце мальчика. Он не успевает вскрикнуть.

Пару секунд я стою, глядя на пистолет в своей руке. Легкий дымок выходит из ствола с каким-то смертельным умиротворением. Практически как дым из недокуренной сигареты в пепельнице. Эти мгновения тянутся непростительно долго. Нужно лечить нервы.

Я перешагиваю через тело женщины и, подойдя к плите, открываю вентиль. Газ начинает с шипением выходить, заполняя кухню. Я поднимаю гильзы, стараясь не смотреть на тела. Безоболочечные экспансивные свинцовые пули хорошо плавятся, но оставляют очень неприятные ранения.

Выхожу в коридор, оклеенный дешёвыми синтетическими обоями и пластиковыми панелями. Это будет хорошо гореть. Скоро здесь будет настоящий Ад. На вешалке оставлена маленькая курточка мальчика. Я засовываю бумажку с именем в её рукав и, щёлкнув зажигалкой, пару секунд наблюдаю, как разгорается бумага и ткань, а потом быстрым шагом выхожу из дома.

Взрыв я слышу уже с противоположного конца квартала. Огненное зарево полыхает на фоне темнеющего вечернего неба. Я закуриваю, размышляя, стоит ли вызывать пожарную охрану, но решаю не тратить на это своё время. В конце кон-

цов, дело закрыто, и я заслужил небольшой отдых. Вечер ещё только начинается и можно посидеть в «Месте»... А лучше зайти к той недотраханной брюнеточке. Она явно ко мне не ровно дышит. Например, перечитать по ролям «451 градус по Фаренгейту». А что? Неплохая книга. Я люблю Брэдбери. Ну, не читать же мне «Сказки матушки гусыни»...⁵

⁵ Выходил в сборниках "Тайны и приключения" и "Литературный оверлок" №2, 2021 г.

Капелька триумфа

Свет красного аварийного фонаря пульсировал с невозможностью метронома, периодически заполняя бетонное пространство КПП. Склонившись над пультом, полковник стёр со лба холодный пот и отключил сигнал тревоги, а после обессилено опустился на стул.

Наставшая тишина продлилась не более пары минут, но они показались полковнику целой вечностью. Резкий звонок телефона, стоящего на столе, заставил полковника вздрогнуть. Он медленно снял трубку и, стараясь сохранять спокойствие, спросил:

– Пётр Петрович... У вас там всё в порядке?

– Да, всё отлично, – ответил в трубке слегка легкомысленный голос.

– Я эвакуировал комплекс...

– Правда? Я рад, что вы находите себе занятие. Но меня это сейчас не особо интересует.

– А что вас сейчас интересует? – как можно более мягко спросил полковник.

– Только мои воспоминания...

* * *

– Гениально! Гениально! – из угла в угол радостно забе-

гал Петр Петрович. Он сам ещё не до конца верил своей неожиданной догадке, но формула, небрежно выведенная им на доске минуту назад, неумолимо воодушевляла. Стабильный стрэнглет существовал. Должен был существовать. Обязан был существовать. А это означало, что... Петр Петрович нервно потербил свою заострённую троцкистскую бородку и пробормотал:

– Можно попробовать применить магнитное удержание...

Петр Петрович был сейчас на грани нервного срыва. Слишком долго он ждал своего звёздного часа. Слишком долго разрабатывал бесперспективные темы. И вот теперь он почувствовал вкус грядущего переворота в мире фундаментальных частиц. Да, конечно, к этому вкусу примешивалось предвкушение мировой славы, и, быть может, Нобелевской премии, а ещё сладковатый дурмящий запах государственного финансирования.

А пока что... Нужно понять, как поставить опыт. Рассчитать вероятность рождения и требуемую энергию. Холодный душ экспериментальной физики охолонул учёного. Петр Петрович нахмурился и нервно стёр формулы с доски. Где всё это будет делаться? И кем? Каким-нибудь Хельмудом Скарсгардом в какой-нибудь уютной Швейцарии. А никаким не Петром Петровичем Сажиным. Не им...

* * *

– Пётр Петрович... Вы ещё там? – немного нерешитель-

но спросил полковник, судорожно вслушиваясь в тишину на другом конце трубки.

– Да, – ответил Сажин, – Вы, наверное, заскучили там, товарищ полковник? Не хотите спуститься ко мне вниз?

– Пожалуй, – согласился полковник.

– Тогда идите к центральному лифту, я включу его.

– Хорошо. Главное, не наделайте глупостей, Пётр Петрович.

Полковник положил трубку на рычаг аппарата, медленно поднялся и уверенным шагом пошёл по подземному коридору в сторону лифта. Свет люминесцентных ламп сейчас казался ему каким-то особенно безжизненным и зловещим.

Полковник подошёл к лифтам и, нажав кнопку вызова, услышал, как заработал механизм, поднимающий кабину на верхний уровень. Где-то под потолком затрещал внутренний громкоговоритель.

– Я не слышу вас, полковник, но вы меня, надеюсь, слышите... – голос Сажина, искажённый динамиком, гулко отражался от бетонных стен и тоже казался каким-то мёртвым, – Я просто хотел сказать, что вам не следует снимать с себя ответственности. Ведь без вас ничего бы не вышло... И в конце концов вы получили то, что желали...

Подъёмный механизм замолчал, и двери лифта с лёгким позвякиванием открылись перед полковником.

Кабинет с окнами, задрапированными плотными тяжёлыми шторами, массивная мебель, полумрак... Казалось, за последние 30 лет изменился только портрет на стене над головой начальника при больших погонах.

– Опять эти ваши новые физические принципы? – нахмурился генерал.

– Учёные так не говорят, но... – полковник пожал плечами

– Но?

– Новое оружие может быть разработано в течение 5-10 лет.

– Не слишком ли самоуверенно, полковник?! – снова нахмурился генерал.

– Комиссия подтвердила, что у темы есть потенциал.

– Уж не примеряете ли вы на себя, часом, лавры Лаврентия Берии?

– Я выполняю свой долг, – сухо ответил полковник.

– Ну, хорошо, хорошо! Работайте! – устало махнул рукой старый генерал.

До выхода на заслуженную пенсию ему оставалось чуть менее года. Пока суд да дело, а там пускай молодые разбираются, что получится из этих новых физических принципов с этими их частицами, бластерами и кластерами.

* * *

Нижний уровень комплекса выглядел буднично. Управле-

ние ускорителями осуществлялось из лаборатории уровнем выше. Туда же стекались и данные детекторов для обработки. Здесь же, среди хитросплетения разноцветных кабелей, лишь изредка работали техники.

Выйдя из лифта, полковник на какое-то мгновение замер, прислушиваясь к размеренному гулу оборудования. Всё работало надёжно. Слишком надёжно. И как удачно было выбрано место. Глубина залегания. Отдаление от крупных населённых пунктов. Максимальное время подлёта ракет потенциального противника.

Отличное место, чтобы заниматься передовыми научными исследованиями высокого уровня секретности. Или, чтобы окончательно похоронить их...

* * *

– Здесь, – остановившись на пригорке, проговорил полковник.

– Где? – не понял Петр Петрович, стараясь ещё теплее закутаться в пуховик, который был велик ему минимум на два размера.

– Здесь!... – ещё более неопределённо ответил полковник, торжественно, словно Петр I, указывая рукой на панораму, разворачивающуюся под местом, где они остановились.

Вид с пригорка открывался, и, правда, величественный. Вниз шел довольно крутой спуск, обрывающийся практически вертикально над голубой гладью реки. Дальше, река де-

лала изгиб, серпом оборачиваясь вокруг холма, поросшего густым лесом.

Впрочем, Петр Петрович оценивал не красоты местной сибирской природы. Мысленно он уже размечал площадку для экспериментального комплекса: вписывал в рельеф кольцо коллайдера, прикидывал, где будут располагаться охладители реактора, детекторы и агрегаты магнитных ловушек.

– Да, – наконец проговорил он, – Это место подходит.

Полковник молча кивнул, что-то отметил в своём планшете и направился назад к вертолёту. Обоим предстояло ещё, как минимум, полтора часа трястись внутри Ми-8 до военчасти.

* * *

Узкий коридор, словно проток в теле какого-то громадного животного, раскрывался в полость главного машинного зала. Кабели, как сеть кровеносных сосудов, расплзались в разные стороны и уходили вверх по сводчатым стенам. Вверху они смыкались на округлой махине магнитной ловушки. Сейчас она всей своей многотонной массой нависала над полковником и напоминала пульсирующее в грудной клетке сердце.

– Сердце комплекса... – невольно проговорил полковник.

– А вы романтик, – неожиданно ответил Пётр Петрович из громкоговорителя.

Полковник обернулся и посмотрел туда, где из стены чуть выступала стеклянная коробка рубки аварийного управления. Внутри, словно рыба в аквариуме, за пультом сидел Сажин.

– Вы же сами всегда так его называли, – заметил полковник, аккуратно нащупывая пальцами рукоятку ПМа.

– Да бросьте полковник, – чуть раздражённо отмахнулся Сажин, – Это всего лишь бомба. Просто бомба. И Вы знаете это намного лучше меня... Кстати, вы зря хотите достать ваш пистолет. Это бронированное стекло ему не пробить.

– Нет, всё нормально, – полковник демонстративно приподнял руки, – Может, впустите меня и мы поговорим? Просто поговорим.

– Это вряд ли получится... – злорадно улыбнулся Сажин, – Я заблокировал дверь изнутри. Но я могу предложить вам стул. Присаживайтесь, полковник.

Напротив рубки полковник действительно увидел стул, судя по всему, специально принесённый Сажиным с верхнего уровня. Полковник неторопливо поднял его, переставил ближе к стеклу, за которым всё так же злорадно улыбался учёный, и спокойно сел.

– И что же мы обсудим?

– Да всё, что угодно. Не торопитесь, время у нас пока ещё есть, – хихикнул Сажин, продолжая изображать усмешку поверх своей заостренной бородки.

– И всё же... Пётр Петрович, чего вам не хватало? Ведь

хорошо же всё начиналось...

* * *

Комплекс, построенный метростроевцами прямо под лесом в толще холма в рекордные сроки, с каждым днём прирастал дорогостоящей аппаратурой титанических размеров и наливался своей электростатической и электромагнитной силой.

– Какой вам ЦЕРН? Скоро все захотят быть здесь! Но не смогут! – всё чаще с нескрываемой гордостью заявлял Сажин сотрудникам на планёрках.

Петр Петрович ликовал. Впервые ему было доверено настолько масштабное мероприятие. И хотя всюду сновали военные, которых он недолюбливал и откровенно считал недалёкими, Сажин всё равно искренне наслаждался происходящим. Некоторые из его коллег, раньше не замечавшие его таланта, теперь находились у него в подчинении и с подобострастием подбегали для вопросов и консультаций.

– Какая необходима напряжённость поля, Петр Петрович?

– Такого коэффициента размножения хватит, Петр Петрович?

– Подпишите, пожалуйста, Пётр Петрович...

Петр Петрович наливался в благодатной улыбке и постепенно распухал от чувства собственной важности. До завершения работ ещё было очень далеко, а успех экспериментов был под большим вопросом, но он уже ощущал себя побе-

дителем. А их, как известно, не судят.

Тем более, что работы шли с опережением графика. Пётр Петрович не жалел бюджетных средств, щедро раздавая заказы Средьмашу, Точмашу и другим "Машам", как он их снисходительно величал в кулуарных разговорах. Впрочем, велись такие разговоры открыто, никто всё равно не возражал бы. В те годы многие предприятия и НИИ были крайне признательны Сажину за невиданные финансовые вливания в отечественную науку.

Каждый день Пётр Петрович не без удовольствия наблюдал, как все элементы громадного конструктора складываются под его чутким руководством в единое и поистине величественное сооружение. По вечерам, запершись в своём кабинете и просматривая на компьютере текст своей научной работы, Сажин всё сильнее ощущал себя центром происходящего.

– Всё это делается здесь! И кем? Не каким-нибудь Хельмудом Скарсгардом в какой-нибудь вшивой Швейцарии. Нет! Самим Петром Петровичем Сажиным! Мной!

Пётр Петрович решительно нажал на несколько клавиш и заменил немилое сердцу английское слово «стрэнглет» на намного более нежное и какое-то родное «стрпелька».

* * *

– Значит дело в этом? – предположил полковник, – Вы хотите славы? Известности? Так ведь это не проблема. Когда

вы закончите все эксперименты... Когда изделие будет готово, вы сможете опубликовать свои научные работы. Приоритет открытия навсегда останется за вами.

– Наука? Открытие?! – истерично взвизгнул Сажин, вскакивая с места, – Как поздно вы вспоминаете эти слова, полковник! Довольно! Наука всегда интересовала вас в последнюю очередь. Всех вас!

Физик перевёл дух и медленно подошёл почти вплотную к бронированному стеклу.

– Никаких экспериментов больше не будет, полковник, – Петр Петрович сделал паузу, – Изделие... готово. Вот оно над вашей головой.

Полковник ещё раз оглянулся вверх, где находилась громадина магнитной ловушки.

– Внутри?

– Да. Внутри, – Сажин ненадолго замолчал, задумавшись, – удивительный по силе потенциал... Разрушительный... Но и созидательный. Воплощение Божьего гнева. Абсолютное оружие... Неужели вы думали, что я отдам его вам, полковник? Чего ради? Научная слава? Награды? Деньги? Всё это лишь бумажки, чтобы потешить пустое человеческое тщеславие. Стеклашки для дикаря. А эта штука... Она бесценна! Одним своим существованием она перечёркивает всё то, что можно получить за неё.

Полковник изменился в лице. Сейчас оно стало каким-то свинцово-серым, а взгляд пустым и безэмоциональным.

– Что вы хотите?

* * *

Утро на экспериментальном комплексе для многих началось буднично. Солнце на востоке окрасило малиновым багрянцем небо, облака и верхушки сосен. Сотрудники разошлись по своим рабочим местам. Пётр Петрович в лаборатории занял своё место за спинами людей, прильнувших к мониторам с показаниями детекторов. Чуть надсаднее взвыл ускоритель, толкая вперёд ядра, доводя их до высоких энергий и скоростей. Зев магнитной ловушки как обычно разверзся, готовясь принять вожаделенную частицу...

И вдруг... Где-то в глубине агрегатов щёлкнуло запорное реле. Это детектор зафиксировал теоретически предсказанные моды распада. Микроскопические осколки, следы произошедшего синтеза. Система остановила ускоритель, переключив всю энергию на магнитное удержание. Мышеловка захлопнулась.

В помещении повисла тяжёлая, плотная, словно электризующая воздух тишина.

– Надеюсь, это не такой же сбой, как в прошлом месяце, – раздражённо пробормотал Сажин.

– Нет, Пётр Петрович, – отозвался лаборант, буквально вцепившийся глазами в показания на мониторе, – Кажется, это оно...

– Кажется... – хмыкнул физик.

– По массе... По всем параметрам... Совпадает.

– Давайте проверим, – решительно произнёс Сажин, – Впустите дейтерий.

– Приступаем...

Ускоритель ещё ненадолго завыл, чтобы забросить в потенциальную яму магнитной ловушки злополучное ядро дейтерия, и снова замолчал.

– Петр Петрович... Произошла рекомбинация кварков. Масса удвоилась... – прокомментировал лаборант то, что уже видел на экране Сажин. За какую-то миллисекунду он вдруг осознал, что это тот самый момент истины, которого он так долго ждал, и с размаху ударил по кнопке тревоги.

Пока все вскакивали с мест и спешно покидали комплекс, Пётр Петрович обесточил центральный пульт, а потом взял стул и неторопливо спустился вниз к аварийному. По инструкции военные должны были полностью эвакуировать персонал за 6 с половиной минут. Прошло десять. Сажин снял трубку и набрал КПП...

* * *

– Что вы хотите? – сухо повторил свой вопрос полковник.

– Хочу вам рассказать кое-что про стрпельки... Странные капельки. Действительно очень загадочная штука. Плотно упакованные кварки... Материя иного типа, в чём-то даже более совершенная, потому что для неё уже не существует атомов. Это стабильная кварковая система. Она может со-

ставить из себя всё: от субатомных частиц до объектов планетарного масштаба. Лишь бы был материал... Всё, что можно поглотить, – физик задумался, – Удивительно, что они не возникли в момент Большого Взрыва... Случись так, наша Вселенная была бы совсем иной...

– К чему вы это говорите Сажин? – не выдержал полковник, – Что вы задумали, чёрт возьми?!

– Я? Ошибаетесь. Я ничего не задумывал, – спокойно ответил Пётр Петрович, – Это вы задумали всё это! – он драматично развёл руками в стороны, – Вы решили, что с помощью моего интеллекта, ценой моего гения, вы сможете удержать в повиновении силы, всего могущества которых себе даже не представляете! Но вы ошиблись! Весь этот комплекс – это одна огромная граната, у которой уже выдернули чеку. И я устал её держать...

– Сажин, вы обезумели.

– О, нет! Я абсолютно здоров. Весь мир полон безумцев: правительства, политики, военные... В борьбе за власть, за сферы влияния, за рынки сбыта, вы готовы угрожать всему человечеству уничтожением. И для этого вам всегда хотелось получить оружие. И вот же оно! Машина Судного Дня. Она готова. Она работает... Ирония в том, что, запустив однажды, её уже невозможно остановить. Все эти сверхпроводящие магниты не могут остановить Цербера, сидящего внутри, они лишь удерживают его на коротком поводке. Но однажды у кого-то не хватит сил или терпения.

– Всё ещё можно остановить...

– Увы, ничего уже не остановить, полковник, и не исправить... Абсолютное оружие готово. Взведённый пистолет уже приставлен к виску каждого жителя планеты, независимо от его национальности, гражданства или религии. Оружие, которое невозможно применить в войне. Оно пригодно только для глобального террора. Но, раз оно создано, оно обязательно сработает. Через 10 лет, через 20, через 50... Не важно. Целые поколения могут родиться и вырасти в рабстве под страхом полного уничтожения. Зачем? Почему бы не закончить это прямо сейчас? Сразу. Без каких-либо дополнительных условий...

– Тщеславный безумец...

– Никак нет... Ни единой капли тщеславия в моих действиях нет. Потому что о моём поступке никто никогда не узнает и не вспомнит. В каком-то смысле это акт абсолютно-го альтруизма, полковник. Возможно, в этом и была задача человечества... Конечный итог и смысл самого нашего существования? Триумф человеческого разума! Как вы думаете?

– Остановите это!

– Я уже останавливаю. Я останавливаю всю эту Вселенную. Возможно, следующая будет лучше...

Сказав это, Пётр Петрович отключил подачу электричества.

* * *

Пётр Петрович раздосадовано стукнул кусочком мела и раскрошил его о доску. Что-то в проклятой формуле определённо не сходилось. Работы предстояло ещё много, но сейчас просто необходимо было сделать паузу. Пётр Петрович задумчиво потеревил свою заострённую троцкистскую бородку, надел шляпу и вышел на улицу. Там пока ещё светило солнце.⁶

⁶ Опубликовано в литературном приложении "Знание – Сила: Фантастика" №1, 2020 г. и журнале "Искатель" №11, 2020 г.

Красные маги

– Таким образом, видно, что символы Советской Эпохи зачастую носили сакральный и даже магический смысл... – Лазарь Самуилович испытующим взглядом обвёл аудиторию, сделал паузу и посмотрел на часы, – А на этом наша лекция сегодня завершена. Надеюсь, вы не передумали посещать мой исторический факультатив. До следующего раза!

Профессор, небольшой кругленький и капитально лысеющий мужчина в очках, начал торопливо собирать с кафедры бумаги и неуклюже засовывать их в старомодный и вытертый от времени кожаный портфель с массивной блестящей застёжкой. Студенты грохочущей стульями и столами шумной толпой начали постепенно вытекать из аудитории. Нарушая общий стройный человеческий поток, к преподавательскому столу протиснулся худощавый молодой человек с взлохмаченной головой, в наглухо застёгнутой рубашке в нелепую коричневую клетку и мятых джинсах.

– Лазарь Самуилович... Лазарь Самуилович! – повторил он чуть громче, чтобы обратить на себя внимание профессора в общем шуме, – Вы посмотрели мой реферат?

Лазарь Самуилович одарил студента слегка презрительным взглядом, молча кивнул, а потом, по-отечески подтолкнув его пухлой ладонью к двери, вместе с ним вышел в ко-

ридор.

Осень в Н-ске в этом году была необыкновенно затяжной и тёплой. Кажется, бабье лето само пригрелось на солнышке и не хотело покидать золочёные листвой парки и скверы.

– Видите ли, Константин, – проговорил Лазарь Самуилович, небрежно размахивая портфелем, – Вы сообразительный студент, заинтересованный... Но ваша беда, что вы слишком глубоко копаете...

– Не понимаю, – искренне признался молодой человек, держа руки в карманах и загребая листву ногами, старясь не отстать от торопящегося профессора, – Так вам понравилась моя работа или нет?

– Я поставлю вам «удовлетворительно» за оригинальность. Но только за оригинальность.

– Почему?

Профессор резко остановился и сердито посмотрел на студента.

– Вы серьёзно не понимаете, Константин?! В таком случае, я всерьёз начинаю беспокоиться о вашем здоровье! – Лазарь Самуилович тяжело вздохнул, – Взять хотя бы то место, где вы «расшифровываете» символизм серпа и молота.

– Ну...

– «Молот», по-вашему, это ни что иное, как Молот Тора, а «серп» и вовсе – тот самый серп, которым бог Сатурн оскотил своего отца Кроноса. Дескать, это символ «победы над временем», «радикального отказа от прошлого наследства»,

знаменующий новый революционный процесс исторического развития.

– Да... И что вы думаете? – с воодушевлением во взгляде и голосе спросил студент.

– Я думаю, что это полнейший бред. Чистейший! Бред высочайшей пробы!

– Но как же... Я же сопоставлял источники... – бессильно забормотал Константин.

– Довольно, Константин! Довольно! – прервал его профессор, – Пожалуйста, не тратьте больше ни моё, ни своё время. До свидания, Константин!

Он всё так же, но уже не по-отечески и без какой-либо доброты, похлопал студента по плечу, и снова заторопился по аллее, усыпанной жёлтой листвой. Константин пару минут постоял, глядя ему вслед, а потом, ссутулившись и ещё глубже засунув руки в карманы мятых джинсов, пошёл в противоположную сторону.

* * *

– Хорошо, что ещё «пару» не вклеил, – резонно заметила Света и закурила. Сейчас она сидела на общажном подоконнике вполоборота к окну, высоко подогнув под себя одну ногу в узких разрезанных на коленях джинсах и поставив шнурованный ботинок прямо каблуком на батарею, и периодически стряхивала пепел в щель между приоткрытыми рамами. Солнце словно просвечивало сквозь её худые обнажённые

ные плечи и утопало в длинных угольно чёрных волосах.

– Ну и пофиг! – обиженно пробормотал Костя, сидевший на лестнице прямо напротив окна.

– Пересдачами бы запарил.

– Ты не понимаешь, – серьёзно ответил Константин, – Ещё никто до меня не работал с источниками так глубоко, не проводил такие исторические параллели. Революция победила фактически только в нашей стране. Потом было восстановление из разрухи, индустриализация, победа в Войне... Каким образом большевикам всё это удалось?

– Энтузиазм. Идеология. Пропаганда. Диктатура. Репрессии, – спокойно констатировала Светлана, выдохнув колечко дыма.

– Слишком просто, – отмахнулся Костя, – Когда читаешь и сопоставляешь документы, понимаешь, что было что-то глубже. Намного глубже. Долбануться можно.

– Слушай... А ты сам-то ничего не долбил, когда читал свои документы? – девушка мерзко засмеялась

– Только пиво.

– Вот, значит, и с ним завязывай.

– Смейся! Смейся! – загадочно усмехнулся Костя, – Я уже вплотную приблизился к практической части.

– К практической? – Света, наконец, окончательно отправила весь окурок в пространство между рамами.

– Я говорю о реальных ритуалах, которые, как я уверен, тайно проводились и которые можно восстановить и даже

воссоздать.

Света закатила глаза и, изображая медиума, картинно выставляла вперёд руки с вытянутыми тонкими пальцами:

– Дух Сталина... приди!.. И порядок наведи... Ха-ха-ха.

– Я бы не стал шутить такими вещами...

– Ой, ладно тебе, Кость... – перешла Света на мягкий и вкрадчивый голос, – Я с удовольствием посмотрела бы на это... Если тебе, конечно, нужна моя помощь...

* * *

Ночной парк был погружён во тьму. Дорожка и силуэты лавочек по её сторонам лишь с трудом угадывались в тусклом свете одинокого фонаря, который остался уже далеко позади. Обнажённые деревья плотно сплелись искривлёнными ветвями над головой на фоне чернеющего неба и окончательно отгородили аллеи от спасительных огней светящихся окон близлежащих домов.

Константин хорошо знал конечную цель этой полуночной прогулки, днём он проделывал этот путь уже много раз, поэтому теперь шёл уверенным шагом, освещая дорогу фонариком на мобильном телефоне больше для Светы, чем для себя. Она, плотно застегнув свою кожаную куртку и слегка поёживаясь от ночной прохлады, следовала за ним на полшага позади.

– Блин, Костя... Я думала, прогулка по парку будет как-то романтичнее что ли...

– Прости...

– Одними извинениями ты за такую «шикарную» ночь точно не отделаешься... Долго нам ещё идти?

– Мы уже пришли, – Костя остановился и поднял мутноватый луч фонарика вверх.

Из темноты появилось большое каменное лицо с волевым подбородком, рубленным носом и пустыми глазами под грозно нахмурившимися бровями. Над студентами во всей своей железобетонной выправке возвышался монумент солдата.

– Соцреализм, – коротко прокомментировала Света и щёлкнула зажигалкой, – Надеюсь, ты не против, я пока курну?

– Да, – рассеянно ответил Костя, посмотрев на часы, – Ещё есть время.

Света затянулась и с интересом стала наблюдать, как Костя начал мелом вычерчивать вокруг на асфальте огромную пентаграмму.

– Мы теперь сатанисты, да?

– Ошибочное мнение, – отозвался Константин, не отвлекаясь от процесса, после вчерашнего дождя асфальт был ещё мокрым и мел рисовал плохо, –

Пентаграмма появилась намного раньше, чем христианство, и соответственно раньше, чем представления о Сатане. Это древний символ, объединяющий в себе четыре природных начала, четыре стихии: огонь, воду, воздух и землю, и пятый элемент – человека. И если у сатанистов переверну-

тая пентаграмма символизирует контроль сил природы над человеком, то прямая, соответственно, наоборот, власть человека над природой.

– А причём тут Советы?

– Как при чём? Красная звезда. В качестве символа для Красной Армии её решил использовать Лев Троцкий, которого, кстати, звали Демоном Революции.

Костя спрятал кусок мела в карман и внимательно обошёл монумент, словно оценивая свою работу.

– Да. Так пойдёт, – он поравнялся с обрамлённой в звезду горелкой, где когда-то горел вечный огонь, – Жаль, что его отключили... Может ничего не получится.

– Ты про газ? Конечно, отключили, – памятник собираются демонтировать уже через пару месяцев.

– Именно поэтому сегодня мы здесь. Нам нужно было успеть. Ты принесла, что я просил?

– Да, конечно, – Света вытащила из-за пазухи сложенный лист с напечатанной фотографией.

– Это же Николай Ежов!

– И что? Ты мне не говорил, что нужно выбрать кого-то конкретного, а на фото он показался мне симпатичным.

– Да уж... Ладно... Это просто символическая жертва. Давай его сюда, – согласился Костя.

Он секунду вглядывался в чёрно-белое лицо наркома, а потом смял лист в кулаке и поместил в горелку вечного огня.

– Не верю, что мы действительно всё это делаем... – про-

говорила девушка.

– Не отвлекайся, – в руке Константина блеснуло лезвие, которым он, не долго думая, разрезал свою ладонь.

– Бу-э-э... – с наигранным отвращением прокомментировала Света, глядя, как кровь течёт на скомканную бумажку.

Подождав ещё минуту или две, Костя встал и подошёл к каменному солдату.

– Теперь поджигай

Света кивнула и щелкнула зажигалкой. Оранжевый огонёк медленно пополз по испачканной кровью бумаге. Костя повернулся к солдату и кровью написал на его груди «ЛЕНИН». На мгновение он замер, а потом взволнованно обернулся:

– Мы делаем что-то не так...

– Да! – подтвердила Света, – Мы занимаемся вандализмом.

– Нет... – не обращая внимания на язвительные замечания девушки, вслух рассуждал Костя, – Нужно было написать имя... Тетраграмматон.

– Имя Бога? Как в Каббале?

– Почти... Среди большевиков было много евреев, и они активно использовали каббалистические практики... Что-то не так...

– Только согласные!

– Что?

– Тетраграмматон состоит только из согласных, в иврите

нет гласных букв! Поэтому имя бога произносимое.

Костя торопливо размазал лишние буквы, оставив только «Л Н Н».

– Погоди, Свет, но так остаётся только три буквы... Тетраграмматон состоит из четырёх.

– А почему ты тогда вообще писал «Ленин»?! Разве «Ленин» может быть именем бога? Ленин – вождь, но никак не бог... Думай! Бумага почти сгорела.

– Блин... Я идиот. Должно быть что-то объединяющее, общая цель, смысл, эгрегор... «Коммунизм», «Маркс»...

– Четыре согласные буквы! «ГКЧП»? «СССР»?

– Нет... Раньше! Большевики объединились ещё до создания СССР...

Костя ещё раз взглянул в каменное лицо солдата и, взволнованный внезапно озарившей его догадкой, размашисто написал «ВКПБ». В то же мгновение из горелки вечного огня в ночное небо взметнулся столб пламени. Раздался громкий хлопок, сбивший ребят с ног и отбросивший на пару метров в сторону.

На какие-то секунды Костя, как ему показалось, потерял сознание. Очнулся он, лёжа на асфальте. Правое плечо, на которое он упал, сильно ныло. Из пореза на руке всё ещё сочилась кровь. Превозмогая глухую боль во всём теле, он сделал усилие и, пошатываясь, поднялся на ноги.

Воздух вокруг был наполнен запахом гари и оседающей цементной пылью. Повсюду валялись мелкие куски раскро-

шенного бетона. В паре шагов, раскинув в стороны свои худые руки, словно подстреленная птица, лежала обсыпанная пылью Света. Костя, прихрамывая, подошел к ней, и, боясь, что произошло непоправимое, замер, вглядываясь в измазанное сажей лицо. Но Света всё-таки издала стон, её лицо дернулось, и на нём изобразилась гримаса боли. Костя осторожно помог ей встать. У него у самого ещё очень сильно кружилась и гудела голова. Этот гул почему-то раздавался у него в голове, мелодией и словами «Варшавянки»...

*Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы неизвестные ждут...*

Константину вдруг показалось, что за пеленой из оседающего цемента, он видит чёрную фигуру в форме.

– Света, ты видишь это?!

Девушка, опираясь рукой на плечи Кости, посмотрела туда, куда показывал парень, и где недавно стоял монумент.

– Вижу, бл*дь.... Это полный пизд*ц... Административкой нам теперь не отделаться.

– Да, ты права, – уверенно кивнул Костя и торопливо повёл девушку к выходу из парка, – Надо поскорее валить отсюда.

– Какой же ты всё-таки м*дак...

* * *

Костя проснулся ранним утром. Солнце ещё не взошло, а предрассветный полумрак делал все предметы в комнате словно лишёнными цвета. Он помнил, как проводил Свету до общежития, но совершенно не представлял, как сам добрался домой. Ушибленное плечо сильно болело, но ощущение, что в комнате кто-то есть, заставило его через силу повернуться.

На фоне окна Костя увидел странный силуэт. У стола, опершись щекой на руку, сидела девочка лет двенадцати. На ней было надето темно-коричневое форменное школьное платье с белым фартуком, волосы, завязанные в хвостики, украшали два больших белых банта, а на шее был повязан красный пионерский галстук.

– Ты проспидь, Костя, – заботливо проговорила девочка.

– Но сегодня... Выходной...

Девочка злобно захихикала.

– Ты разбудил того, кто не знает никаких выходных. Теперь всё изменится. Тебе придётся исправлять свои ошибки, – она грозно погрозила пальчиком в воздухе.

– Кого я разбудил? Какие ошибки? – непонимающе переспросил Костя.

Внезапно на столе зазвонил непонятно откуда взявшийся большой круглый будильник.

– Ну вот, мне уже пора, – проговорила девочка и, тороп-

ливо сунув будильник в свой портфель, вскочила с места.

– Постой! Почему я?...

– Ты – «вОда»! – вдруг выпалила девочка и, смеясь, с размаху весело хлопнула Костю портфелем по голове.

Константин проснулся от яркого света, бьющего из окна прямо ему в глаза. Кошмар был таким реалистичным, что парень долгое время оглядывал комнату. Потом он всё-таки встал, оделся и вышел на улицу.

Солнце дарило городу свои последние тёплые лучи, по голубому небу где-то вдали проплывали редкие белые облака, но в воздухе уже чувствовалась прохлада неумолимо приближающейся зимы. Казалось, что все события прошлой ночи растворились и исчезли с наступлением нового дня, как и странный предрассветный кошмар. Прикрыв глаза, Костя глубоко вдохнул чистый воздух и вдруг получил резкий толчок в бок.

– Ну и козлина же ты! – сквозь зубы процедила на ухо Света.

– Привет! – растерянно ответил Костя, – Я думал, ты ещё спишь... А что случилось?

– Что случилось?! Да сегодня весь универ на ушах стоит! – Света решительно взяла Костю под руку и потащила за собой, – Пошли, прогуляемся.

– Универ? Сегодня? Воскресенье же...

– Совсем дурак? Понедельник сегодня! Я вчера весь день названивала. Ты хоть на телефон-то смотрел? Ты что забухал

что ли?

– Я... спал... – неуверенно проговорил Константин, – А что всё-таки случилось?

– Ректора нашего вчера убили.

– Михаила Владимировича? Как?!

– А вот так! Нашли вчера в его квартире мёртвым. Говорят, застрелили.

– Жесть какая...

– Да ваще! Весь день только об этом и разговоров. Есть версия, что это из-за его махинаций с недвижимкой. Аренда площадей в общагах и всё такое... Ну, об этом разве что глухой не слышал. Может, не поделился с кем-то... Но что бы так! Не 90-е же, блин...

– А куда мы идём?

– Никуда. Угостишь меня кофе.

* * *

Кафе было полупустым. Офисные работники уже расправились со своими бизнес-ланчами и разбрелись по конторам. А свободно шатающаяся публика ещё не вышла на свой вечерний променад. Света и Костя, взяв по кофе и десерту, устроились в дальнем углу.

– Думаю, ты зря забоялся сегодня приходить. По телику только и говорят про убийство ректора. Ни слова про... – девушка замаялась и перешла на шёпот, – историю в парке.

– Да не испугался я, – мрачно пробормотал Константин, –

Говорю же... Проспал. Кошмары мучили...

– Ещё бы... Кто мог подумать, что в этой горелке накопился газ...

– Ты думаешь, это был просто взрыв газа?

– А ты что думаешь? – Света отпила кофе и пристально посмотрела на своего собеседника.

– Не знаю... Мне кажется... Что-то не так. Что-то изменилось...

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю, – повторил Костя, – Не могу объяснить... Может, просто странный сон.

– Странный ты, – проговорила девушка, – Сегодня даже страннее, чем обычно... Вон, даже вкусняшку свою не съел.

Света встала с места

– Ладно. Ты сиди, откисай... Скушай сладенького, помогает. А я пойду. Вечером позвоню, ты только трубку бери.

Костя молча кивнул, а она лёгкой походкой вышла из кафе, закурила и, зажав сигарету в зубах, отправилась в сторону общаг. Асфальтовая дорожка, обычно всегда наполненная шумными студенческими компашками, сейчас почему-то была совершенно пуста. Девушка посмотрела на небо, погода начала резко портиться, солнце скрылось за серой свинцовой пеленой, и всё вокруг сразу стало каким-то бесцветным. Света свернула в арку под воздушным переходом между двумя корпусами и чуть не столкнулась со странной девочкой в старомодной школьной форме. Она медленно

подняла глаза и чётко проговорила:

– Он не спит. Он придёт за всеми... И за тобой, и за твоим другом. И он становится сильнее.

– Кто?! О ком ты говоришь, девочка?

– Палач, – девочка захихикала.

– Какой ещё палач? Что ты мелешь, мелкая?!

– У твоего друга есть моя вещь. Пусть проверит вентиляцию в туалете.

Договорив последнюю фразу, девочка вдруг сорвалась с места и, сверкая своими маленькими ножками, выскочила из арки и скрылась за углом. Света хотела было догнать мелкую шкodu и хорошенько надрать ей уши, чтобы та не шутила со взрослыми, но, выбежав из арки, уже никого не увидела. Яр-ко светило солнце, по голубому небу всё так же проплывали редкие облака. По асфальтовой дорожке прогуливались небольшие группы студентов.

Пожав плечами, девушка закурила очередную сигарету и неторопливо побрела к своему корпусу, где ещё издали заметила какое-то непонятное движение. Подойдя ближе, она увидела взволнованную толпу. Около входа с включёнными мигалками стоял полицейский УАЗик и «скорая». Двое мед-братьев не без труда вытащили из подъезда носилки с грузным телом, покрытым сверху клеёнчатой материей, и погру-зили в машину. Впрочем, даже не видя лица, Света по одной только фигуре и комплекции догадалась, что под тканью ле-жал труп коменданта общежития.

– Допрыгался старый козёл, – услышала Света над ухом злорадный шепот Наташки, старшекурсницы с пятого этажа, – кто-то его ё*нул всё-таки.

– Ну, нельзя же так... Человек же был...

– Г*ндон он был редкий. Говорят, половину первокурсниц пере*бал, старый извращенец.

– Это ж слухи.

– Да прямо! Меня регулярно пытался за задницу ущипнуть...

– Ну, тебя-то всем надо щипать... – съязвила Света.

– Не веришь? А зря! Это ты ничего не знаешь, потому что постоянно зависаешь со своим Костиком не пойми где, а остальным про этого старого козла прекрасно известно. Видать, какому-нить парню не понравилось, что он к его девушке яйца подкатывает...

«Скорая» отъехала от общаги. Толпа стала постепенно расходиться. Света докурила сигарету и, нервным движением размяв окурочек в пальцах, бросила его в лужу. В последнее время действительно начало твориться что-то странное...

* * *

– Может, это всё-таки был только сон? – неуверенно проговорил Константин, стоя на самом верху стремянки и с трудом пытаясь открутить заржавевшие от времени шурупы с замазанными краской шляпками, – Да держи ты меня!

Потолки в «сталинке», где он жил, были высокими, а вен-

тиляционная решетка в туалете находилась под самым потолком, и то ли от этого, то ли от волнения, у него кружилась голова. Света, двумя руками придерживая лестницу, прищуривалась от летящей сверху пыли и побелки.

– Да держу я! Держу! Не сцы! Ты откручивай там, не возись! Если ты и спал, то я-то точно не спала! Думаешь, я тупая? Это всё было наяву!

Наконец, последний шуруп упал на пол, и решётка со скрипом поддалась.

– Что-то есть, – сказал Костя, извлекая из прямоугольного проёма свёрток в ветхой ткани.

Через несколько минут Костя и Света уже стояли, склонившись над столом, где на развёрнутой материи лежал пионерский значок и пистолет. Студент взял оружие и повертел в руках.

– Наган... Как новый. Хорошо сохранился.

– А это что? Пионерский? – спросила Света, разглядывая значок, – Я думала, он с Лениным должен быть.

– Только с 1962 года.. А это... Дай-ка... – Костя забрал предмет из рук девушки, – Настоящий раритет. Такие зажимы для галстука носили в 30-х примерно до начала войны. Если эта штука принадлежит нашей пионерке, то она годится нам в бабушки... А то и в прабабушки.

– И зачем она нам показала это?

– Пока не понимаю... Но, по крайней мере, мы знаем её имя. Вот. Держи.

Костя положил железку на ладонь Светы. На обратной стороне зажима аккуратным почерком было иглой нацарапано «Надя».

– Винтажно, – улыбнулась Света, прикалывая зажим к краю своей джинсовой рубашки, – Но Надя определённо хочет нам что-то рассказать

В полумраке комнат вдруг заработал телевизор. Костя был уверен, что выключал его. Ведущий программы «Происшествия» в своей привычной зловещей манере сообщал очередные кровавые подробности:

«Шокирующая криминальная история прямо в центре города. На территории аквапарка «Южный» обнаружены три трупа. Жертвами стали хозяин, совладелец и коммерческий директор спортивно-развлекательного комплекса. Тела мужчин с огнестрельными ранениями были найдены в бассейне в 10 часов утра. В настоящее время следствие не выдвинуло определённых версий. Однако не исключён мотив личной мести. Напомним, месяц назад на территории аквапарка «Южный» уже происходила трагедия. В результате неисправности оборудования аттракционов трое детей погибли и 7 получили ранения...»

– Ты вообще понимаешь, что мы сделали?... – Костя обесилено опустился на стул и уставился в одну точку.

– Думаешь, у нас всё-таки получился ритуал? – почти шепотом спросила Света, – Безумие какое-то...

– Неужели ты не видишь? Всё складывается. Мы вызва-

ли... оттуда... кого-то.. или что-то...

– Палача. Так сказала Надя.

– Нам нужно его остановить, – решительно сказал Константин.

– И как же мы это сделаем? – спросила Света, но Костя ничего не ответил, игнорируя её вопрос.

Он молча взял со стола пистолет, многозначительно поднял палец вверх и прислушался.

– Ты слышишь это?

– Что? Я ничего не слышу, – непонимающе ответила Света.

– Вот именно. Опять эта тишина. Прямо как у меня во сне... Это появилось сразу как ты прицепила на себя эту штуку.

Света потянулась рукой к зажиму, но Костя остановил её и, взяв за руку, повёл в соседнюю комнату. Оттуда слышалось еле заметное тиканье. На фоне окна около стола сидела девочка в школьной форме. Улыбнувшись, она непринуждённо сказала:

– Как хорошо, что вы зашли к нам в гости. У нас так редко бывают гости!

– Ты... Надя? – осторожно спросил Константин.

– Да, – всё так же непринуждённо и бойко ответила девочка, – Наверное, вам нужен мой папа?

– Да, Надя, где мы можем его найти?

– Он уехал по вызову в райисполком. Но вы не должны

долго тут оставаться, – девочка взяла со стола тикающий будильник, перевела стрелку и с металлическим треском завела пружину, – Мне ещё надо сделать уроки. Поторопитесь, если хотите успеть...

Продолжая тянуть Свету за руку, Костя быстро вышел из квартиры, сбежал вниз по лестнице и вылетел из подъезда.

* * *

– Райисполком?!

– Здание городской администрации! Он отправился туда!

Город выглядел пустынным и каким-то выбеленным. Вдоль улиц нависали тёмные силуэты домов с чёрными прямоугольниками окон. Серое небо, подёрнутое плотной пеленой облаков, казалось, обесцвечивало всё вокруг. Даже золочёные кроны деревьев почему-то смотрелись сейчас пыльно-коричневыми.

– Где мы? – озираясь, спросила Света.

– Понятия не имею... Наверное, это его мир... Вероятно, так он перемещается, – коротко ответил Костя, – Надо торопиться.

Молниеносно пересекая квартал за кварталом, студенты оказались в центре города. Не было ни привычного мельтешения светящихся вывесок и витрин магазинов, ни даже одного прохожего. На площади у здания администрации, где в это время всё обычно было заставлено дорогими правительственными машинами, сейчас тоже было пусто.

Косят и Света беспрепятственно прошли через тяжёлые входные двери с медными ручками, поднялись по широкой лестнице с массивными деревянными перилами, застеленной красной ковровой дорожкой, и оказались у дверей зала собраний, откуда доносились голоса. Костя немного помедлил, а потом распахнул дверь...

Внутри творился хаос. Повсюду были разбросаны стулья. Между ними на полу валялись окровавленные мёртвые тела. Несколько человек в дорогих деловых костюмах вжимались в стену напротив занавешенных тяжёлыми шторами окон. Некоторых из них Света и Костя знали по именам, других только видели в выпусках местных новостей или на предвыборных рекламных биллбордах.

В середине зала напротив перепуганных людей возвышалась фигура в форме офицера НКВД, в чёрном кожаном плаще и фуражке. Офицер неторопливо поднял руку, в которой поблескивал чёрный пистолет, и направил его на пухлого мужчину в очках с золотой оправой.

– Расхищение социалистической собственности, – прозвучал твёрдый и словно заполняющий собой всё пространство голос, – Приговор: «расстрел».

Без какой либо паузы последовал выстрел. Закатив глаза, мужчина съехал по стенке с кровоточащей точкой во лбу. Офицер сделал следующий шаг вдоль стены, немигающими глазами смотря в лицо следующего человека.

– Вредительство на производстве. Приписки. Приговор:

«расстрел».

Высокий мужчина в костюме из ткани в мелкий рубчик упал вперёд лицом. Послышались истеричные женские крики.

– Госспади, да вызовите кто-нибудь полицию! Я не хочу умирать! – крашеная блондинка предпенсионного возраста закрыла голову сумочкой.

– Взятничество. Приговор: «расстрел».

Пуля прошла сквозь дорогую кожу брендовой вещицы, и блондинка, пошатнувшись, упала на своего долговязого коллегу.

– Стой! Я приказываю тебе остановиться! – набравшись смелости, выпалил Константин.

Офицер медленно повернул голову и посмотрел на стоявших в дверях молодых людей так, что от его взгляда словно повеяло холодком.

– Служу трудовому народу... – он вновь отвернулся и неторопливо поднял пистолет.

– Постойте, товарищ! – взвизгнул мужчина в красном галстуке, присевший на корточки и сжавшийся всем телом – я депутат от фракции коммунистов...

– Встать! – резко скомандовал офицер.

– Я от фракции коммунистов... – повторил депутат, поднимаясь.

– Измена Родине. Приговор: «расстрел».

Закончив, НКВДшник спокойно убрал пистолет в кобуру

и невозмутимо двинулся к выходу из зала прямо на Костю и Свету, не мигая, глядя сквозь них.

– Да что ты творишь, бл*дь?! Нельзя убивать людей! – вдруг крикнула Света, сама осознав, как наивно в данной ситуации звучало это утверждение. Тем не менее, её слова почему-то заставили офицера остановиться и перевести на неё свой холодный немигающий взгляд.

– Смерть врагам трудового народа и нарушителям социалистической законности, – своим тяжёлым, всё заполняющим голосом, проговорил НКВДшник.

– Нет! Это было давно! – твёрдо ответил Костя, кажется, сейчас он почувствовал в себе какую-то необычную уверенность и силу, – СССР уже в прошлом. И твоё время тоже давно прошло! Поэтому сейчас ты уйдёшь.

Константин выхватил из кармана наган и выстрелил в офицера. Пуля угодила прямо ему в грудь, но ни один мускул не дрогнул на лице НКВДшника. Только небольшой фонтанчик бетонной пыли вылетел в воздух из отверстия в кителе, откуда должна была бы брызнуть кровь. Лицо палача вдруг стало цементно-серым, глаза замутились, и весь он рассыпался в мелкий песок.

Ошеломлённый Костя пошатывался, глядя на небольшую кучку праха перед своими ногами. Света быстро подхватил его под руку.

– С тобой всё в порядке?

– Да. Всё получилось...

– Похоже... Но нам нужно скорее уходить отсюда.

* * *

Вечерело. Залитый красноватым солнцем осенний город привычно шумел тысячами обычных звуков. На улицах кипела жизнь. Раздавался гул проезжающих по вчерашним лужам машин. Во дворах, они становились дальше и тише, зато начинали слышаться обрывки ни к чему не обязывающих разговоров, случайная музыка и посвисты птиц в жёлтых кронах облетающих деревьев.

Двое студентов сидели на лавочке у подъезда. Костя молча пил пиво из бутылки, Света так же молча курила.

– А ведь она всё сделала правильно, – вдруг задумчиво произнёс Костя.

– Кто? – выдохнула дым Света.

– Надя. Я думал она ещё совсем маленькая, но она всё сделала правильно... – он вздохнул, – Поднимемся в квартиру.

Когда оба зашли в Костину «сталинку», он прямиком направился к письменному столу, открыл ящик, извлёк из щели под ним пожелтевшую ученическую тетрадь и положил на стол.

– Сюда она переписала всё, что увидела в рабочих документах. Тетрадка была спрятана в этой комнате под половицей. Как можно было представить, что её найдут почти через сто лет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.